

ДЖЕЙМС
КЕЙН

*Почтальон всегда
звонит дважды*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Annotation

Джеймса М. Кейна вместе с Дэшилом Хэмметом и Раймондом Чандлером некоторые критики называют одним из основателей `крутой` школы в классическом американском детективе. Мировую славу писателю принес роман `Почтальон всегда звонит дважды`. Он был не раз экранизирован – наиболее известна версия Боба Рафелсона с Джеком Николсоном и Джесикой Ланг в главных ролях.

- [Джеймс Кейн](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
-

Джеймс Кейн

Почтальон всегда звонит дважды

Предисловие

Недавно я опубликовал рецензию на один из третьесортных романов Нормана Мейлера, в которой предложил автору сесть, расслабиться, почитать что-нибудь Джеймса М. Кейна и поучиться у него, как писать романы. Мейлера эта рецензия, кажется, задела. Но всяком случае, он ужасно негодовал на меня в нью-йоркском *Post*... Н-да, а ведь вместо этого ему бы следовало поблагодарить меня! Более ценного совета я не мог бы дать!.. Мне известно, что Камю, например, интересовался Кейном и использовал его романы как модель при написании «Постороннего». В голову приходят имена еще нескольких известных американских романистов, помимо Мейлера, которым следовало бы поступить аналогичным образом, однако к чему дразнить львов?!

Кейн удивил и привел меня в восторг, когда я стал достаточно взрослым, чтобы осмотреться и оценить то, что было сделано в американской литературе. К той же плеяде принадлежат Стейнбек, Фаррелл, Сароян, Фолкнер и Томас Вулф. Но Кейну в отличие от других присуща потрясающая динамика повествования. Или, быть может, «ускорение» – более подходящее слово. Чтение любого романа Кейна подобно попытке усесться в автомобиль, который тем временем разгоняется до шестидесяти километров в час. Ныне, двадцать лет спустя, я перечел романы «Почтальон всегда звонит дважды» и «Двойная страховка» снова... и я все еще удивлен и пребываю в восторге... отчасти потому, что сейчас я понимаю, насколько в действительности сложна излюбленная Кейном техника «крутого» детектива.

В 1930—1940-х годах Кейн получил известность как писатель «секса и жестокости». Я это хорошо помню. Полагаю, что большинство критиков так и не вышло за рамки подобного представления о нем. «Почтальон всегда звонит дважды» был признан самым опасным романом того времени, романом, нарушающим табу общественной морали. Его запретили издавать в Канаде; в Америке была пресечена первая попытка *Metro Goldwin Mayer* снять по книге фильм и т. д. Одному Богу известно, сколько похотливых юнцов тайком мусолили страницы 71 и 72 первого издания романа, зачитываясь сценой «Ударь меня!», в которой мужчина и женщина пытаются представить убийство как автомобильную катастрофу:

"Я начал возиться с ее блузкой, оторвал пару пуговиц, чтобы Кора выглядела так, как положено пострадавшей. Она смотрела на меня в упор,

и глаза ее казались не синими, а дьявольски черными.

Я чувствовал, как часто она дышит. Потом она вздрогнула и прижалась ко мне:

– Ударь меня! Порви что-нибудь!

Я схватил Кору и, рванув на ней блузку, разорвал от горла до талии.

– Это случилось, когда ты вылезала наружу. Зацепилась за дверную ручку. – Голос мой звучал странно, как из жестяного рупора: – А ты об этом не знаешь.

Я размахнулся и изо всей силы ударил ее по лицу. Она лежала у моих ног, глаза ее сверкали, грудь вздымалась, заалели, набухая, соски. Она лежала навзничь, и из моего горла рвался звериный хрип, язык распух и..."

Эти набухшие соски стали самым знаменитым литературным образом 1930-х. Они заставляли трепетать многих, И все же... они не что иное, как литературный образ. Секрет Кейна состоит в том, что он никогда не использует ни одной детали, ни одной сцены просто так. Прочитайте еще страниц семьдесят, и вы вновь наткнетесь на те же самые соски. Этот точно продуманный образ проходит в романе контрапунктом: незначительное неврофизиологическое изменение их состояния – и сюжетная линия совершает новый неожиданный поворот...

Подобное происходит у Кейна и с насилием. «Почтальон всегда звонит дважды» и «Двойная страховка» – романы об убийствах, однако Кейн не смакует жестокость. В «Двойной страховке» он почти полностью отказывается от описания деталей, словно говоря читателю: «Парень сворачивает человеку шею – так? А теперь используй собственное воображение, чтобы представить удушье, kloкочущий в горле звук, хруст хрящей и след от пальцев убийцы на шее умершего...».

Несмотря на подобный лаконизм, у вас возникает ощущение, что вы стали свидетелем чрезвычайно жестокого убийства. В том-то и состоит фокус Кейна, – впрочем, нет, не фокус. Это – искусство, восходящее к «Преступлению и наказанию» Достоевского. В каждой своей книге Кейн помещает вас в шкуру то одного, то другого законченного мерзавца и неудачника, который никогда ничего не достигнет, – и заставляет вас переживать за них. Вы симпатизируете им и в то же время испытываете ужас и отвращение. Странная смесь! Возможно, Кейн разглядел Универсального Мерзавца в каждом из нас... Не знаю... Грех, которому Кейн посвятил великое множество страниц, – это не убийство и не садизм, а предательство. <...>

Фильм по роману «Почтальон всегда звонит дважды» вышел в 1944 году, как и другие фильмы, снятые по книгам Кейна, он имел огромный

успех; главные роли исполняли Лана Тернер и Джон Гарфилд. В этом успехе была некоторая доля иронии, потому что прежде, чем стать писателем, Кейн с треском провалился на поприще сценариста. Действительно, история обращения Кейна к жанру романа не совсем обычна. К моменту опубликования в 1934 году первой книги «Почтальон всегда звонит дважды» автору исполнилось сорок два. До этого в течение восьми лет (1924—1931) он пишет статьи для нью-йоркского *World* под руководством известного американского журналиста Уолтера Липимана, что значительно повлияло на писательское становление Кейна. В этот период он попадает в Голливуд по протекции Винсента Лоуренса, сценариста полнометражных фильмов. У него Кейн обучался основным принципам искусства создания образа и напряженности действия.

Но что касается... динамичности, или, как я называл это выше, «ускорения», то она является исключительной особенностью творчества самого Кейна, поскольку больше никому – ни Хемингуэю, ни даже Раймонду Чандлеру – двум писателям, с которыми его сравнивали, – не удалось достигнуть в этом его уровня мастерства. Кейн избегает любых нарушений ритма повествования. Напротив, все в его произведениях работает на поддержание заданного ритма. Когда речь идет о воссоздании атмосферы особняков с лепниной в стиле рококо или же захолустных городишек Калифорнии, Кейна можно сравнивать с Чандлером, но делает он это при помощи удивительно малого количества деталей... несколько метров ткани в магазине Фердинанда Испанского, ниспадающей с древка копья конкистадора... и вы уже представляете себе не только всю драпировку в бунгало с потолком высотой два метра шестьдесят сантиметров, но даже заложенную на ней двойную складку. Кейна нередко сравнивают по широте кругозора с Хемингуэем: он с одинаковой легкостью и глубиной знания предмета пишет о приготовлении простых и быстрых блюд, расследовании, проводимом страховой компанией, об оперном театре и т. д. – и тем не менее вы замечаете все эти декорации на скорости добрых полторы сотни километров в час... Динамичность повествования Кейна – это нечто! Рекомендую и вам то, что сначала посоветовал Норману Мейлеру, а именно: откройте роман «Почтальон всегда звонит дважды». Начните: «Из грузовика с сеном меня выбросили где-то в полдень...»

Один взгляд... и вам уже не оторваться... приятное путешествие только начинается...

Том Вулф 1965

Глава 1

Из грузовика с сеном меня выбросили где-то в полдень. Я наткнулся на него вчера вечером у границы, и едва я залез под брезент, как тут же уснул. Мне это было необходимо после трех недель в Тихуане, и я еще храпел, когда они остановились на обочине, чтобы дать остыть мотору. Тут они увидели ногу, торчащую из-под брезента, и вышвырнули меня. Я попытался было как-нибудь выкрутиться, но они только тупо пялились на меня, и номер не прошел. Зато они дали мне сигарету, и я зашагал по дороге в поисках завтрака. Так я и наткнулся на заведение «У двух дубов».

Это был обычный мотель, каких в Калифорнии миллионы. Там была закусочная, а над ней комнаты, где жили хозяева, несколько в стороне – бензоколонка, а сзади – полдюжины домиков для постояльцев. Я зашел в закусочную, присел отдохнуть у окна и стал смотреть на дорогу.

Когда появился этот грек, я спросил, не было ли у них парня в «кадиллаке».

– Мы должны были здесь встретиться, – сказал я, – а заодно и пообедать.

– Сегодня нет, – ответил грек, накрыл мне один из столов и поинтересовался, что я буду есть.

Я заказал апельсиновый сок, кукурузные хлопья, яичницу с ветчиной, энчильдос, блинчики и кофе. Он вернулся в мгновение ока, неся апельсиновый сок и кукурузное хлопья.

– Подождите минутку. Мне нужно вам кое-что сказать. Если тот парень не появится, то вам придется это, убрать. Честно говоря, я просто на мели.

– Я вам все это оставляю.

Видно было, что он меня раскусил, поэтому я предпочел забыть о парне в «кадиллаке». Потом до меня дошло, что ему что-то от меня надо.

– Эй, чем вы, собственно, занимаетесь, что вы умеете делать?

– Ну, знаете, то да се. А что?

– Сколько вам лет?

– Двадцать четыре.

– Вы молоды. Мне как раз нужен кто-нибудь помоложе. Здесь в помощь.

– У вас здесь красиво.

– А воздух! С ума сойти. Никакого тумана, не то что в Лос-Анджелесе.

Тумана здесь вообще не бывает. Красиво и ясно, все время ясно.

– И закат тут должен быть хорош. Уже сей час это чувствуется.

– А как тут спится! Выразбираетесь в автомобилях? Сумеете починить?

– Разумеется. Я прирожденный автомеханик.

Он еще распространялся о воздухе, о том, насколько здоровее он себя чувствует с тех пор, как купил этот дом, и о том, что он не понимает, почему его помощники здесь долго не задерживаются.

Я бы мог ему это объяснить, но дал возможность выговориться.

– Ну? Думаете, вам бы тут понравилось?

К этому времени я уже допил кофе и закурил предложенную мне сигарету.

– Скажу вам откровенно. У меня есть еще кое-какие предложения, в этом все дело. Но я подумаю. Обещаю вам.

И тут я увидел ее. Она была на кухне, но вышла убрать за мной посуду. Несмотря на фигуру, ее нельзя было назвать красавицей, однако выглядела она привлекательно, а накрашенные губы так и хотелось чмокнуть.

– Это моя жена.

На меня она даже не взглянула. Я кивнул греку, взмахнул сигарой, и только. Она унесла посуду, а мы вели себя так, как будто ее и не было. Потом я ушел, но через пять минут вернулся, чтобы оставить записку тому парню в «кадиллаке». Мне понадобилось полчаса, чтобы дать себя уговорить, и вот я уже стоял у колонки и заклеивал дырявые шины.

– Слушай, как тебя зовут?

– Фрэнк Чемберс.

– А я Ник Пападакис.

Мы ударили по рукам, и грек ушел по своим делам. Потом я услышал, как он поет. У него был стальной голос. От колонки отлично была видна кухня.

Глава 2

Около трех появился парень, который совершенно вышел из себя, так как кто-то залепил стикером вытяжную решётку его машины. Мне пришлось взять решетку на кухню, чтобы отпарить стикер.

– Ах, эти ваши кукурузные лепешки! На это вы мастера!

– Кого вы имеете в виду?

– Ну, вас и Пападакиса. Вас и Ника. Те, что были на обед, просто объединение.

– Вот как...

– Не найдется тряпки? Придержать.

– Эта не подойдет?

– Вполне.

– Думаете, я мексиканка.

– Вовсе нет.

– Нет да. Вы не первый. Так послушайте. Я такая же белая, как и вы, ясно? Конечно, у меня черные волосы и вообще внешность... но я такая же белая, как и вы. Если собираетесь здесь остаться, зарубите это у себя на носу.

– Но вы не похожи на мексиканку.

– Говорю вам, я такая же белая, как вы.

– Но вы несколько не похожи на мексиканку. У мексиканок широкие бедра и толстые ноги, груди как дыни, желтая кожа и волосы, как намазанные жиром. Вы же выглядите иначе. Вы стройная, с прекрасной белой кожей, волосы у вас мягкие и волнистые, хотя и черные. Единственное, что у вас мексиканского, так это зубы. У всех мексиканцев прекрасные белые зубы. Это нужно признать.

– Моя девичья фамилия Смит. Звучит не слишком по-мексикански, вам не кажется?

– Не слишком.

– И вообще я не отсюда. Я родом из Айовы.

– Значит, Смит. А как по имени?

– Кора. Можете меня так называть, если хотите.

В эту минуту я окончательно понял, в чем она хотела меня убедить. Дело было не в энчильдос, которые ей приходилось печь, и не в черных волосах. Все дело в том, что она была замужем за греком, поэтому она переставала чувствовать себя белой и явно опасалась, что я начну называть

ее миссис Пападакис.

– Кора. Ясно. А что если вы будете называть меня Фрэнк?

Она подошла ко мне и стала помогать. Она стояла так близко, что я чувствовал запах ее тела. И тогда я выдал ей на ухо, почти шепотом:

– А вообще, как получилось, что вы вышли за этого грека?

Она дернулась, как будто я хлестнул ее бичом:

– Это не ваше дело!

– Ну да, как же.

– Вот ваша решетка.

– Спасибо.

Я вышел. Мне удалось добиться своего: задеть ее за живое, достаточно глубоко и больно. С этой минуты между нами все будет ясно. Возможно, она и не скажет «да», но уж точно не сможет меня игнорировать. Она знает, о чем я думаю, и знает, что я вижу ее насквозь.

Вечером, за ужином, грек вскипел, что она дала мне мало жареной картошки. Он хотел, чтобы мне у них понравилось и чтобы я не наострил лыжи, как все предыдущие.

– Дай человеку как следует поесть.

– Все там, на плите. Он не может справиться сам?

– Не надо. Я еще не доел.

Он не отставал. Если бы он был поумнее, то понял бы, что за этим что-то кроется, потому что Кора была не из тех, кто считает ниже своего достоинства обслужить мужчину. Я сказал это для нее. Но он был упрям и продолжал бурчать.

Мы сидели за кухонным столом, он на одном конце, она на другом, а я посередине. Я не смотрел на нее, но видел, как она одета. На ней был белый халат, который носят где угодно: и у дантиста, и в пекарне. Утром он был чистым, но теперь весь помялся и перепачкался. Я чувствовал ее запах.

– Ну ладно, черт возьми.

Она встала и пошла за картошкой. Халат на миг распахнулся, и я увидел ее бедро. Когда она наложила мне картошки, есть я уже не мог.

– Ну, видишь. Столько разговоров, а он не хочет.

– Ну-ну. Но мог бы, если бы захотел.

– Я не голоден. Переел за обедом.

Он вел себя так, словно одержал бог весть какую победу, а теперь, клево так, прощал ее:

– Она прелесть, моя птичка. Моя белая голубка.

Он подмигнул ей и пошел наверх. Мы сидели и молчали. Вернувшись, он принес большую бутылку и гитару. Налил нам из бутылки сладкого

греческого вина, которое встало колом у меня в желудке. Потом начал петь. У него был тенор, не тот сладкий тенор, который вы слышите по радио, а приличный сильный тенор, на высоких нотах прямо как на пластинках Карузо. Но в эту минуту я не мог его слушать. Чем дальше, тем хуже мне становилось. Он это заметил и вытащил меня наружу:

- Свежий воздух пойдет тебе на пользу.
- Это хорошо. Я сейчас отойду.
- Сядь. Только спокойнее.
- Иди, иди, я просто немного переел. Сейчас все будет нормально.

Он ушел внутрь, а меня вырвало. То ли это был тот проклятый обед, то ли картошка, то ли вино. Я так ужасно хотел эту женщину, что мой желудок не принимал ничего.

* * *

На другой день, утром, мы лишились рекламного щита. Около полуночи поднялся ветер, который к утру перешел в бурю, и щиту пришел конец.

– Это ужасно. Взгляни.

– Сегодня был сильный ветер. Я не мог уснуть. Всю ночь глаз не сомкнул.

- Да, изрядная буря. Но взгляни на этот щит.
- Разбит вдребезги.

Я возился со щитом, когда грек вышел и стал наблюдать за моей работой.

- Где вы взяли этот щит?
- Он уже был здесь, когда я все это купил. А что?
- Он очень ободраный. Удивляюсь, как на него вообще кто-то клюет.

Я пошел заправлять машину и оставил его подумать о моих словах. Когда я вернулся, он все еще глядел на щит, прислоненный к стене закусочной. Три фонаря были разбиты. Я подал на эту рухлядь ток, и половина оставшихся огней не зажглась.

- Смени лампы и повесь, сойдет.
- Как хотите, шеф.
- Что не так?

– Это седая древность. Рекламой из лампочек сегодня никто не пользуется. У всех – неоновые трубки. Лучше смотрятся и электричества потребляют меньше. И потом, что там написано? «У двух дубов», и все.

Что здесь есть закусочная, не сказано. А от слов «два дуба» о голоде не вспомнишь, поэтому никому не придет в голову остановиться и перекусить, Этот щит стоит кучу денег, но все без толку.

– Ты только почини его, он еще послужит.

– Почему ты не закажешь новую вывеску?

– Некогда.

Однако он тут же вернулся с листом бумаги, нарисовал на нем новую вывеску и раскрасил его красной, синей и белой красками. На ней значилось: «Таверна „У двух дубов“, жаркое на гриле, гигиенические туалеты, хозяин Н. Пападакис».

– Здорово. Все просто обалдеют.

Я подправил слова, чтобы они были правильно написаны, а Ник украсил подпись завитушками.

– Ник, а зачем туда вообще ставить старую вывеску? Что если тебе отправиться в город и заказать новую? Она будет великолепна. А это очень важно. Какова вывеска, таково и заведение, правда же?

– Так я и сделаю. Богом клянусь, поеду.

* * *

До Лос-Анджелеса было только двадцать миль, но он вырядился, словно собрался в Париж, и после обеда укатил.

Едва он уехал, я закрыл входные двери. Взяв тарелку, оставленную кем-то в зале, я отнес ее на кухню. Кора была там.

– Вот тарелка, кто-то забыл ее в зале.

– Да, спасибо.

Я поставил тарелку. Вилка зазвенела словно бубен.

– Я собиралась сходить в зал, но потом занялась ужином и упустила это из виду.

– У меня тоже полно работы.

– Вам уже лучше?

– Все в порядке.

– Иногда достаточно любой мелочи. Перемена воды и все такое.

– Скорее всего, просто переел.

– Что это?

Кто-то ломился в двери.

– Кажется, кто-то хочет войти.

– А что, двери заперты, Фрэнк?

– Должно быть, это я их запер.

Она посмотрела на меня и побледнела. Подошла к окну и выглянула сквозь жалюзи. Потом вышла в зал, но тут же вернулась:

– Уже ушли.

– Я и не знаю, почему их запер.

– А я забыла открыть.

Она снова направилась в зал, но я остановил ее:

– Пусть, оставь их запертыми.

– Но никто не войдет, если двери заперты. И мне нужно готовить. И вымыть эту тарелку.

Я обнял ее и прижался к ее губам...

– Целуй меня! Сделай мне больно... укуси меня!

Я впился зубами в ее губы так глубоко, что почувствовал, как мне в рот брызнула кровь. Когда я нес ее наверх, кровь текла у нее по шее.

Глава 3

Два дня после этого я себя не помнил, но грек на меня надулся и ничего не заметил. Надулся он потому, что я не починил распашные двери, которые вели из зала в кухню. Она ему сказала, что они вдруг спружинили и ударили ее по лицу. Ей пришлось врать, так как губы у нее отекали от моего укуса. А он обвинил меня в том, что я не починил двери. Ну растянул я пружину, чтобы была послабее, тем все и кончилось.

Но истинной причиной, по которой он на меня дулся, была та вывеска. Он от нее просто голову потерял и, видно, боялся, что я буду каждому говорить, будто это моя идея, а не его. Такой огромный щит ему сразу и не сделали. На это ушло три дня, и когда он был готов, я его привез и повесил. На нем было все, как на эскизе, и еще кое-что сверх того. Там были греческий и американский флаги, и рука, пожимающая другую руку, и «Удовлетворение гарантировано». Все это было выполнено красными, белыми и синими неоновыми буквами, и я только ждал темноты, чтобы включить ток. Когда я повернул выключатель, все это засияло, как рождественская елка.

– Да, повидал я в жизни рекламных щитов, но такое вижу впервые, это я должен признать, Ник.

– Богом клянусь, Богом клянусь.

Мы пожали друг другу руки и снова стали друзьями.

* * *

На другой день я на минутку остался с ней наедине и дал ей такого леща, что она чуть не упала.

– Ты что делаешь? – фыркнула она, как пума. Такой она мне нравилась.

– Как дела, Кора?

– Отвратительно.

С этого момента я снова начал чувствовать ее запах.

* * *

Однажды грек услышал, что какой-то тип неподалеку от нас продает бензин дешевле, чем он, и тут же полез в машину – съездить посмотреть, что к чему. Я был у себя в комнате, когда он уехал, и тут же помчался было на кухню. Но Кора уже была наверху, стояла в дверях.

Я подошел и взглянул на ее рот. Отек уже прошел, но следы зубов все еще были видны – синие пятнышки на обеих губах. Я коснулся их пальцами, они были мягкими и влажными. Поцеловал их, но не сильно. Легкими, нежными поцелуями. Никогда раньше мне ничего подобного и в голову не приходило.

Она оставалась со мной, пока не вернулся грек, целый час. Мы ничего не делали. Просто лежали на постели. Она ерошила мне волосы и смотрела в потолок, как будто размышляя:

- Ты любишь пирог с черникой?
- Не знаю... Да. Пожалуй, да.
- Я тебе его испеку.

* * *

- Осторожнее, Фрэнк, ты поломаешь молодые ветки.
- Мне нет дела до всяких веток.

Мы продирались сквозь эвкалиптовую рощицу возле дороги. Грек послал нас на рынок вернуть котлеты, запах которых ему не понравился, а когда мы возвращались, стемнело. Я свернул в лесок, и машина тряслась и подпрыгивала, но как только мы оказались среди деревьев, я остановился. Она обняла меня раньше, чем я выключил фары. На этот раз всего было больше чем достаточно. Потом мы просто сидели.

- Я так больше не могу, Фрэнк.
- Я тоже.
- Я так не выдержу. Я хочу насытиться тобой, Фрэнк. Понимаешь, что я имею в виду? Упитья тобой.
- Я знаю.
- А грека я ненавижу.
- А зачем вышла за него? Ты никогда мне этого не говорила.
- Я тебе еще ничего не говорила.
- Мы не тратили время на разговоры.
- Я работала в кафетерии. После двух лет, проведенных в лос-анджелесском кафетерии, выскочила за первого же типа с золотыми часами.

- Когда ты уехала из Айовы?
- Три года назад. Выиграла конкурс красоты в средней школе в Дес-Монсе. Я там жила. Премией была поездка в Голливуд. Там я отказала шефу конкурса и пятнадцати парням, что делали мои фотографии, и через две недели уже работала в кафетерии.
- Почему ты не вернулась?
- Такого удовольствия я бы им не доставила.
- Пошла в кино?
- Мне устроили пробу. Лицо бы еще, может, и подошло. Но теперь же нужно говорить. Я имею в виду – в кино. А когда я заговорила там, на экране, им со мной сразу все стало ясно, да и мне самой тоже. Дешевка из Дес-Монса, у которой в кино шансов, как у обезьяны. Даже меньше. Обезьяна может хотя бы рассмешить. Я бы сумела только испортить настроение.
- А потом?
- Потом меня два года щипали за зад, делали мне глазки и предлагали сходить вечером на свидание. На несколько таких свиданий я сходила, Фрэнк.
- И потом?
- Знаешь, что за свидания я имею в виду?
- Знаю.
- Потом появился он. Я вышла за него и, честное слово, собиралась быть ему верной женой. Но теперь больше не выдержу. Боже, неужели я выгляжу белой голубкой?
- Мне ты скорее кажешься дикой кошкой.
- Хоть ты это заметил. Мне в тебе это нравится. Не приходится все время притворяться. И ты чистый. Ты не жирный. Фрэнк, можешь ты вообще представить, что это значит? Не жирный.
- Думаю, я тебя понимаю.
- Сомневаюсь. Ни один мужчина не может понять, что это значит для женщины. Все время иметь дело с человеком, который вечно лоснится от жира и от которого тебя тошнит, когда он к тебе прикасается. Я не кошка и не голубка, Фрэнк. Я просто больше не могу.
- Что ты меня убеждаешь? Что я, не понимаю?
- Ну ладно. Пусть я кошка. Но не думаю, что я так уж плоха. С парнем, который не блестит от жира.
- Кора, а что если нам собратся и уехать?
- Я думала об этом. Я много об этом думала.
- Пошлем грека к черту и смоемся. Просто смоемся.

– Куда?

– Куда угодно. Мне все равно.

– Куда угодно... Куда угодно... И куда же?

– Куда только захотим.

– Нет, не пойдет. Это значит назад, в кафетерий.

– Я говорю не о кафетерии. Я говорю о великих странствиях. Это потрясающе здорово, Кора. И никто не знает этого лучше, чем я. Я знаю все штучки и фокусы, которые для этого нужны. И умею ими пользоваться. Разве не этого мы хотим? Странствовать с места на место, это у нас в крови.

– Ты был просто бродягой. У тебя не было даже носков.

– Но я тебе понравился.

– Я в тебя сразу влюбилась. Я влюбилась бы в тебя и без одежды, не то что без носков. Ты мне больше всего нравишься раздетым, когда я ощущаю твои прекрасные крепкие плечи.

– Да, уж мне было от чего накачать мышцы.

– Ты весь крепкий. Могучий, высокий и крепкий. И у тебя светлые волосы. Ты не жирный дряблый тип с черными курчавыми волосами, которые каждый вечер поливают репейным маслом.

– Да, вот это аромат.

– Но это не годится, Фрэнк. Твои странствия не приведут меня обратно в кафетерий. Меня в кафетерий, а тебя куда-нибудь по соседству. На стоянку сторожем в потрепанной униформе. Я разрыдаюсь, если увижу тебя в униформе, Фрэнк.

– И что тогда?

Она долго сидела, обхватив обеими руками мою ладонь.

– Фрэнк, ты меня любишь?

– Да.

– Любишь меня так, что все остальное неважно?

– Да.

– Одна возможность у нас все же есть.

– И ты говоришь, что ты не дикая кошка?

– Я говорю серьезно. Я не такая, как ты думаешь, Фрэнк. Я хочу работать и быть кем-то. Но без любви это все ни к чему. Ты бы мог так, Фрэнк? А женщина – нет. Ладно, я сделала ошибку. И теперь мне придется быть жестокой, хотя бы раз, чтобы ее исправить. Но я не дикая кошка, Фрэнк.

– Тебя повесят.

– Если сделать все как следует, то нет. Ты умный, Фрэнк. Я ведь не

смогла провести тебя. Ты что-нибудь придумаешь. Есть уйма возможностей. Не беспокойся. Я не первая женщина, которой приходится искать такой выход.

– Он мне ничего не сделал. Он неплохой парень.

– Это все равно. Он воняет, если хочешь знать. Он жирный и воняет. И ты думаешь, что я оставлю тебя разгуливать в униформе с надписью «Парк-сервис» на спине или «Спасибо. Звоните еще», когда у него четыре костюма и дюжина шелковых сорочек? Разве половина в этом деле не моя? Разве я не готовлю? Разве я плохо готовлю? Разве ты не выполняешь свою часть работы?

– Ты говоришь так, как будто это нормальное дело.

– Кто может судить, нормальное оно или нет, если не ты и я?

– Ты и я.

– Именно, Фрэнк. Все остальное неважно; не так ли? Только ты и я. Странствия и все остальное выбрось из головы.

– Все-таки ты кошка. Никогда бы ты меня не уговорила, если бы не это.

– Мы справимся. Поцелуй меня, Фрэнк. В губы.

Я поцеловал ее. Она смотрела на меня глазами, сверкающими как две синие звезды. Я чувствовал себя, как в церкви.

Глава 4

— У тебя есть горячая вода?

— Не можешь взять в ванной?

— Там Ник.

— Ага. Я налью тебе из чайника. Он любит попить чаю после купания. Мы разыграли все в точности, как заранее договорились.

Было около десяти вечера, мы уже закрылись, и грек был в ванной, совершая субботнее вечернее омовение.

Я должен был взять воду наверх в свою комнату и приготовиться к бритью, а потом вдруг вспомнить, что не загнал машину во двор. Мне нужно было выйти наружу и оставаться там, чтобы дать знак, если кто-то появится.

Она должна дожидаться, пока грек залезет в воду, войти в ванную комнату за полотенцем и стукнуть его сзади по голове мешочком из-под сахара, набитым шариками от подшипников. Вначале это должен был сделать я, но потом мы сообразили, что, если пойдет она, он и внимания на нее не обратит, а если войду я, пояснив, что зашел за бритвой, он, чего доброго, вылезет из ванны и примется ее искать.

Потом она должна была удерживать его под водой, пока он не захлебнется. Затем, оставив приоткрытым кран, она должна вылезть через окно на крышу веранды и спуститься по лестнице, которую я заранее приставил, отдать мне мешочек и вернуться на кухню.

Я должен был выложить шарики в коробку, избавиться от мешочка, загнать автомобиль, вернуться наверх в свою комнату и начать бриться. Она подождет, пока вода из ванной не протечет на кухню, и позовет меня. Мы выьем дверь, найдем его и вызовем доктора.

Это должно было выглядеть так: поскользнулся в ванне, ударился, потерял сознание и захлебнулся. Идею эту я нашел в газете, где какой-то тип доказывал, что большинство несчастий с людьми происходит в ванной.

— Осторожно. Вода горячая.

— Спасибо.

Воду в кастрюле я отнес наверх в свою комнату, поставил ее на туалетный столик и разложил бритвенные принадлежности. Спустившись вниз к машине, я сел в нее так, чтобы видеть и дорогу, и окно ванной. Грек пел. Мне пришло в голову, что стоило бы запомнить, какая это песня. Он пел «Матушку Мари». Пропел ее раз и тут же начал сначала. Я посмотрел в

сторону кухни. Кора все еще была там.

Из-за поворота вынырнул грузовик с прицепом. Я нажал на клаксон. Обычно шоферы грузовиков, останавливаясь перекусить, имели привычку колотить в дверь, пока та не откроется. Но этот проехал мимо. Проехало еще несколько машин. Не останавливаясь. Я снова взглянул на кухню. Ее там уже не было. В спальне зажегся свет.

Тут я вдруг увидел, что сзади на веранде что-то движется. Я чуть не нажал на клаксон, но тут понял, что это кошка. Обычная серая кошка, однако это выбило меня из колеи. Только кошки сейчас и не хватало. На мгновение она исчезла, потом снова появилась и начала обнюхивать лестницу. Мне не хотелось нажимать на клаксон, ведь это была только кошка, но и не хотелось, чтобы она болталась рядом с лестницей. Я вылез из машины и отогнал кошку.

Когда я был на полпути к машине, она опять оказалась там и начала карабкаться вверх по лестнице. Я снова пугнул ее и отогнал назад, к домикам. Потом направился к машине и на минутку обернулся взглянуть, не собирается ли она вернуться. Тут из-за поворота появился полицейский на мотоцикле. Увидев меня, он выключил мотор и остановился между мной и автомобилем. Нажать на клаксон нечего было и думать.

– Ну что, парень?

– Я собирался убрать машину.

– Она твоя?

– Нет, моего хозяина. Я здесь работаю.

– Ладно, я только так, на всякий случай.

Он огляделся и вдруг что-то заметил:

– А, чтоб мне пусто было. Взгляните-ка на это!

– На что?

– Чертова кошка, как она карабкается по лестнице!

– Ну да.

– Я люблю кошек. Они всегда что-нибудь да выкинут.

Он натянул перчатки, еще раз огляделся, дважды нажал на педаль и уехал. Как только он исчез из виду, я кинулся к клаксону.

Слишком поздно. На веранде вдруг сверкнула вспышка, и в доме погас свет. Потом завизжала Кора, и в ее голосе звучал ужас:

– Фрэнк! Фрэнк! Что случилось?

Я вбежал на кухню, но там было темно, хоть глаз выколи, а у меня не было спичек, пришлось идти на ощупь. Мы столкнулись на лестнице, она по пути вниз, а я – наверх. Она снова завизжала.

- Успокойся, ради Бога, успокойся! Ты это сделала?
- Да, но погас свет и я не смогла удержать его под водой.
- Нужно его спасать! Здесь был полицейский и видел лестницу!
- Вызови доктора!
- Позвони ты, я его пока вытащу!

Она помчалась вниз, а я – наверх. Войдя в ванную, я подошел к нему. Тело было в воде, а голова над поверхностью. Я попытался его поднять. Это оказалось нелегким делом. Он был скользким от мыла, и мне пришлось влезть в воду, чтобы как-то справиться. Все это время я слышал, как она внизу говорит с телефонисткой. Ее соединили не с доктором, а с полицией.

Я наконец поднял его и положил на край ванны, потом вылез сам, перенес его в спальню и положил на постель. Она поднялась наверх, мы нашли спички и зажгли свечу. Мы пытались его откачать. Пока я отжимал полотенце, чтобы положить ему на лоб, она терла руки и ноги.

- «Скорая помощь» выехала.
- Хорошо. Он видел, как ты его ударила?
- Не знаю.
- Ты стояла у него за спиной?
- Думаю, да. Но тут погас свет, и я не знаю, что было дальше. Что ты сделал со светом?
- Ничего. Пробки перегорели.
- Фрэнк. Лучше бы он не очухался.
- Должен очухаться. Если он умрет, то нам конец. Говорю тебе, тот полицейский видел лестницу. Если он умрет, то об этом узнают и они нас достанут.
- А если он меня видел и скажет об этом, придя в себя?
- А может, не видел. Нам надо найти объяснение, вот и все. Ты была там, в это время погас свет, и ты услышала, как он поскользнулся и упал, ты его звала, но он не отвечал. Тогда ты закричала и позвала меня, и все. И пусть говорят что угодно, ты должна стоять на своем. Что бы он ни видел, это только плод его фантазии, не больше.
- Почему они так долго не едут?
- Сейчас будут здесь.

Когда приехала «скорая помощь», его положили на носилки и погрузили в машину. Она села с ним. Я последовал сзади на машине. На полпути до Глендейла к нам присоединился полицейский на мотоцикле, который поехал впереди «скорой». Они гнали очень быстро, не меньше семидесяти миль в час, и я отстал. Когда я добрался до больницы, его уже вытаскивали из машины, и полицейский всем распоряжался. Увидев меня, он вздрогнул и глаза у него полезли на лоб.

Это был тот самый полицейский.

Его занесли внутрь, положили на каталку и отвезли в операционную. Кора и я остались в коридоре. Потом пришла медсестра и под села к нам, а потом – тот полицейский в сопровождении сержанта. Оба уставились на меня.

Кора рассказывала сестре, как все произошло:

– Я была там, то есть в ванной, пришла за полотенцем, и тут вдруг погас свет, прямо как отрезало. Боже, ну и дела. Я слышала, как он упал. Перед этим он встал, хотел открыть кран. Я позвала, но он не ответил, было темно, и я вообще ничего не видела и не знала, что случилось. Я подумала, что его убило током или еще что. Потом Фрэнк услышал, как я кричу, прибежал и вытащил его, а потом я вызвала «скорую помощь» и не знаю, что бы я делала, если бы они не приехали так быстро.

– Ночью они всегда спешат.

– Я очень боюсь, что он себе что-нибудь серьезно повредил.

– Думаю, нет. Сейчас он на рентгене. После него все станет ясно. Но не думаю, что раны тяжелые.

– Ах, Боже, надеюсь, что нет!

Полицейские за все это время не произнесли ни слова. Только сидели и смотрели на нас.

* * *

Его вывезли. Голова у него была сплошь обмотана бинтами. Его покатали к лифту, а Кора, и я, и медсестра, и те полицейские все вместе поднялись наверх и отвезли его в палату.

Мы все вошли внутрь. Там было мало стульев, их не хватало на всех, и пока его укладывали в постель, сестра сходила и принесла еще.

Все расселись. Кто-то пытался заговорить, но сестра приказала сидеть тихо. Пришел врач, осмотрел его и ушел. Так мы сидели довольно долго. Потом сестра встала и подошла к нему поближе:

– Думаю, он приходит в себя.

Кора взглянула на меня, я быстро отвел взгляд. Полицейские подались вперед, чтобы расслышать, что он скажет. Он открыл глаза.

– Вам уже лучше?

Он ничего не сказал, все остальные тоже молчали. Было так тихо, что я слышал, как бьется мое сердце.

– Ты не узнаешь свою жену? Это же я! Как тебе не стыдно, упасть в ванне, как маленький мальчик, из-за того, что погас свет? Твоя женушка на тебя сердится! Ну скажи же что-нибудь!

Он пытался что-то сказать, но не мог. Сестра склонилась к нему и вытерла ему лицо. Кора гладила его руку. Он немного полежал с закрытыми глазами, потом опять начал шевелить губами и посмотрел на сестру:

– Повсюду только тьма.

* * *

Когда сестра сказала, что ему нужен покой, я увел Кору вниз и усадил в машину. Едва мы отъехали, показался полицейский и двинулся на мотоцикле за нами.

– Он нас подозревает, Фрэнк.

– Это тот же самый. Он чувствует, что-то не так, потому что видел, как я сторожил перед домом. Он этого не забыл.

– Что будем делать?

– Не знаю. Все зависит от того, догадается ли он, зачем там стояла та лестница. Что ты сделала с мешочком?

– Он все еще у меня в кармане.

– Господи всемогущий, если бы тебя задержали и обыскали, нам бы пришел конец.

Я дал ей нож и приказал перерезать завязки мешочка, высыпать из него шарики, перелезть назад, поднять заднее сиденье и засунуть под него мешочек! Тогда он сойдет за тряпку, которую все возят с инструментом.

– Теперь сиди сзади и следи за полицейским. Я буду бросать подшипники в кусты по одному, а ты смотри, не заметит ли он.

Она следила, а я левой рукой рулил, а правой – бросил первый шарик. Я запустил его в окно с такой силой, что он улетел аж на другую сторону дороги.

– Ну, что там?

– Все в порядке.

Тогда я избавился и от остальных шариков, пара минут на каждый. Он ничего не заметил.

* * *

Когда мы уезжали из дому, было еще темно. У меня не было времени осмотреть сгоревшие пробки, а тем более их менять. Когда мы вернулись, полицейский нас обогнал и опередил меня:

– Я взгляну на ваш щиток с пробками, дружище.

– Разумеется. Я сам хочу на них взглянуть.

Мы пошли туда втроем, полицейский включил фонарик. Неожиданно он как-то страшно заворчал и нагнулся. Там была кошка; она лежала на щите, задрал все четыре лапы.

– Ничего себе! Ее убило на месте!

Он посветил фонарем под крышу веранды и вдоль лестницы:

– Вот как это было. Помните? Мы ее видели. Она спрыгнула с лестницы на ваш щиток с пробками, и ее тут же убило током.

– Да, так оно и случилось. Едва вы уехали, все и произошло. Грохнуло, как из пистолета. Я даже не успел отогнать машину.

– Я в это время был уже внизу на шоссе.

– Да, я вас не видел.

– Она спрыгнула с лестницы прямо на щиток с предохранителями. Ну что ж, всякое бывает. Как этим глупым животным вбить в голову, что такое электричество, а? Куда там, это не для них.

– Это ужасно.

– Конечно, ужасно. Убило мгновенно. И это была очень красивая кошка. Помните, как она лезла вверх по этой лестнице! Хитрее кошки я не видел.

– А какая окраска.

– Да, убило мгновенно. Ну, так я пойду. Думаю, теперь все ясно. Понимаете, я ведь должен был проверить.

– Да ничего.

– Тогда до свидания. До свидания, мисс.

– До свидания.

Глава 5

Мы бросили все как было, забыв и кошку, и щиток с пробками, вообще все. Легли в постель, и тут она сломалась. Она рыдала, ее била дрожь, прошло два часа, пока мне удалось ее успокоить.

Потом она лежала в моих объятиях, и мы разговаривали.

– Больше никогда, Фрэнк.

– Ты права. Больше никогда.

– Мы, наверное, сошли с ума. Просто сошли с ума.

– Нам чертовски повезло, что все так вышло.

– Это моя вина.

– Моя тоже.

– Нет, это моя вина. Это я задумала. Ты был против этого. В следующий раз я буду слушать тебя, Фрэнк. Ты ловкий. Ты не такая бездарь, как я.

– Только никакого следующего раза не будет.

– Ты прав. Больше никогда.

– Даже если бы нам повезло, нас все равно бы поймали. Только посмотри, как быстро этот полицейский понял, что тут что-то не так. Почувствовал, как только меня увидел. У меня аж мурашки побежали. Раз он это понял с первого взгляда, что бы мы делали, если б грек умер.

– Впредь я не буду такой дурой, Фрэнк.

– Я тоже так думаю.

– Господи, как я испугалась! Я ужасно испугалась, Фрэнк.

– Да и я тоже.

– Знаешь, чего я хотела, когда погас свет? Чтобы ты был рядом со мной, Фрэнк. В ту минуту я была не дикой кошкой, а маленькой девочкой, которая боится темноты.

– Но ведь я там был, а?

– И я люблю тебя за это. Если бы не ты, то я не знаю, что бы с нами стало.

– Но нам все-таки повезло, да? Насчёт того, что он поскользнулся?

– И он этому поверил.

– Ты только дай мне шанс, и увидишь, как я умею разговаривать с полицейскими. Нужно просто знать, что им сказать, и все. Нужно все продумать и при этом по возможности быть поближе к правде. Я-то знаю. Я-то с ними наговорился.

– Ты нас просто спас. Ты меня всегда будешь спасать, правда, Фрэнк?
– Единственный человек, который для меня что-то значит, – это ты. Ты моя девочка.

– Ясно, я твоя девочка. Ладно, Фрэнк. Отныне я буду тебя слушаться. Ты будешь думать, а я работать. Я умею работать, Фрэнк. И хорошо. У нас вместе все получится.

- Разумеется.
- А теперь давай спать.
- Думаешь, ты сможешь уснуть?
- Мы впервые будем спать вместе, Фрэнк.
- Тебе это нравится?
- Это великолепно, просто великолепно!
- Поцелуй меня на ночь.
- Это дивно, целовать тебя на ночь!

* * *

На другой день нас разбудил телефон. Трубку сняла она, а когда вернулась, глаза ее сверкали:

- Фрэнк, угадай, какие новости?
- Какие?
- У него поврежден череп.
- Тяжело?
- Нет, но они оставят его в больнице. Примерно на неделю. Сегодня ночью мы сможем спать вместе.
- Иди ко мне.
- Не сейчас. Нужно встать. Нужно открыть заведение.
- Иди ко мне, не то я тебя взгрею.
- Ты сумасшедший.

* * *

Это была счастливая неделя.

По вечерам она ездила в больницу, но все остальное время мы были вместе. Работы было полно. У нас все время было открыто, мы старались, и дела шли неплохо. Разумеется, нам повезло, когда в один прекрасный день заявила сотня детишек из воскресной школы на трех автобусах и

потребовала уйму еды для пикника в лесу, но и без того мы бы достаточно заработали. В кассовой книге не было ни одной записи, которая могла бы нас выдать, поверьте мне.

И вот однажды мы поехали к нему вместе и после этого отправились на пляж. Взяли ей напрокат желтый купальник и красную купальную шапочку, и, когда она вышла из кабинки для переодевания, я ее не сразу узнал. Она выглядела как девочка. Тогда я впервые заметил, как она молода. Мы возились в песке, а потом заплыли далеко от берега и качались на волнах. Мне нравилось подставлять волнам голову; она предпочитала встречать их ногами. Мы лежали лицом друг к другу и держались под водой за руки.

Я взглянул на небо. На нем ничего не было видно.

Я подумал о Боге.

* * *

- Фрэнк?
- Да?
- Завтра он возвращается. Знаешь, что это значит?
- Знаю.
- Мне придется спать с ним вместо тебя.
- Придется, если ты не хочешь уйти со мной, пока он не вернулся.
- Я надеялась, что ты это скажешь.
- Только ты, я и дорога впереди, Кора.
- Только ты, я и дорога впереди.
- Как двое бродяг.
- Как пара цыган, но зато вместе.
- Это главное. Зато вместе.

* * *

На следующее утро мы собрали свои вещички. То есть она собрала. Я купил себе костюм, поэтому надел его, и все сборы. Кора сложила свои вещи в шляпную коробку. Когда все было готово, она подала ее мне:

- Отнеси в машину, пожалуйста.
- В машину?
- Разве мы не берем машину?

– Если не хочешь провести первую же ночь за решеткой, то нет. Украсть жену – это ерунда, но украсть машину – это преступление против собственности.

– Ага.

Мы двинулись. До остановки автобуса было около двух миль, их надо было пройти пешком. Когда мимо проезжала машина, мы выставляли руки, как рекламный индеец перед закусочной, но ни одна не остановилась. Одинокого мужчину всегда подвезут, и одинокую женщину тоже, если она такая дура, чтобы ловить попутку. Но мужчина вместе с женщиной практически не имеют шансов. Когда проехало машин двадцать, она остановилась. Мы прошли едва четверть мили.

– Фрэнк, я не могу.

– В чем дело?

– В том.

– В чем, в том?

– В дороге.

– Ты с ума сошла. Просто устала, и все. Слушай, подожди здесь, а я внизу поймаю кого-нибудь, кто довезет нас до города. Ничего другого нам не остается. Потом все уже будет в порядке.

– Нет, не о том речь. Я не устала. Я просто не могу. Ни шагу больше.

– Ты не хочешь быть со мной, Кора?

– Прекрасно знаешь, что хочу.

– Мы не можем вернуться, ты же знаешь. Мы не можем начать все сначала. Это тебе ясно. Нужно идти дальше.

– Я же тебе говорила, что я не бродяга, Фрэнк. Я не хочу жить как цыганка. Я не хочу вообще ничего, мне только стыдно, что я стою здесь и кланчу, чтобы нас подвезли.

– Потерпи. Мы все-таки остановим какую-нибудь машину и доберемся до города.

– И что потом?

– Потом будем в городе. Там и разберемся.

– Это будет нелегко. Переночуем в отеле и утром начнем искать работу. И угол в какой-нибудь дыре.

– А здесь была не дыра? Откуда ты только что смылась?

– Это совсем другое.

– Кора, не вздумай вернуться к своему козлу.

– Уже все, Фрэнк. Я дальше не могу. Прощай.

– Ты можешь меня послушать?

– Прощай, Фрэнк. Я возвращаюсь.

Она заспорила со мной из-за шляпной коробки. Я не хотел ее отдавать, я хотел отнести ее назад, но она вырвала ее у меня из рук. И зашагала прочь. Когда мы уходили, она выглядела шикарно, в синем костюме и синей шляпке, но теперь... усталость, пыль... Она даже не могла идти прямо, так ее били рыдания. Неожиданно я заметил, что тоже плачу.

Глава 6

На попутке я отправился в Сан-Бернардино – это железнодорожная станция. Я хотел сесть в товарный поезд, идущий на восток. Но не сделал этого. В местной бильярдной я наткнулся на одного парня, и мы начали игру. Это было золотое дно, такая удача, которую послать может только Господь Бог, потому что мой партнер действительно умел играть. Беда его была в том, что он не умел делать этого достаточно хорошо. Тянулось все это две недели, и я раздел его на двести пятьдесят долларов, на все, что у него было, и тогда мне пришлось быстро уносить ноги.

Я поймал грузовик до Мехикали и начал думать о своих двухстах пятидесяти долларах, о том, как с такими деньгами мы с Корой могли бы торговать хот-догами или чем-нибудь еще на пляже, а если немного подкопить, то попробовать и еще что-нибудь, получше. И тогда я слез с грузовика и поймал попутку в Глендейл. Там я начал околачиваться возле рынка, на который они ездили за продуктами, и думал, что встречу ее. Я даже пару раз ей звонил, но трубку брал грек, и мне пришлось делать вид, что я ошибся.

В промежутках между походами на рынок я крутился вокруг бильярдной, расположенной кварталом ниже. Однажды я увидел, как один тип отрабатывал там удары. Уже по тому, как он держал кий, было видно, что он деревенщина. Я начал разминаться за соседним столом, рассудив, что если двухсот пятидесяти долларов хватило бы на тележку с хот-догами, то трехсот пятидесяти хватит и на что-то пошикарнее.

- Ну что, сыграем одну?
- Да я никогда особо не играл.
- Не страшись. Сыграем по маленькой.
- Что-то мне кажется, с вами не стоит связываться.
- Со мной? Я сам только учусь.
- Ну тогда ладно. Раз это просто дружеская игра.

Мы начали, и я играл как новичок, чтобы добавить ему уверенности в себе, и все время качал головой, как будто удивляясь:

– Так вы, значит, только учитесь! Ничего себе! Значит, повезло. Но, ей-богу, я обычно играю лучше. Просто не разыгрался. Что если сыграть на доллар, чтобы интерес появился?

- Давайте. Доллар меня не разорит.

Мы играли по доллару, и я дал ему четыре или пять раз выиграть, а

может, и больше. Я делал вид, что бог знает как нервничаю, и между ударами вытирал ладони платком, как будто они у меня потели.

– Ну вот, никак у меня не получается. А что если мы поставим по пять долларов, чтобы я хотя бы отыгрался, и потом пойдем выпьем.

– Не волнуйтесь. Это игра на интерес, и мне ваши деньги не нужны. Согласен. Поднимем ставку до пяти долларов, а потом бросим.

Я снова дал ему несколько раз выиграть, и по моему поведению вы бы подумали, что меня хватил инфаркт или бог весть что еще. Даже физиономия посинела.

– Послушайте. Я не такой дурак и понимаю, что я не в форме, но давайте поднимем ставку до двадцати пяти долларов, чтобы наконец сравняться, а потом уже пропустим по рюмочке.

– Для меня это слишком.

– Господи, да в чем дело? Вы играете на мои деньги, не так ли?

– Ну ладно. Как хотите. Пусть будет по двадцать пять.

Вот теперь я начал шевелиться. Я играл партию, за которую было бы не стыдно и чемпиону мира. Сажал шары в лузу от трех бортов, делал копшотсы, играл в английском стиле, так что шары только летали по столу.

Ему же не удавался ни один удар, даже и такой, что и слепой бы не промазал. Раз за разом он не попадал по шарам, он едва не завязал себе узлом руки, возясь с кием, а очки набирал чисто случайно, посылая шары не в те лузы, не сделал ни одного дуплета.

Однако, когда я вывалился из бильярдной, у него остались не только мои двести пятьдесят долларов, но и часы за три доллара, которые я купил, чтобы знать, когда Кора может появиться на рынке. Да, я был хорош! Моя беда была в том, что я был недостаточно хорош.

* * *

– Эй, Фрэнк!

Это был грек, он побежал ко мне через улицу, как только я вышел из дверей.

– Фрэнк, старый бездельник, где ты шляешься, зачем ты нас бросил, почему сбежал, как раз когда я разбил голову и ты был больше всего нужен?

Мы пожали друг другу руки. На голове у него была повязка, глаза странно блестели, но зато он вырядился во все новое – черная шляпа, сдвинутая набекрень, шикарный галстук, коричневые ботинки, золотая

цепочка от часов по всему жилету, толстая сигара.

– Привет, Ник! Как ты себя чувствуешь, дружище?

– Я-то себя чувствую прекрасно, будто из тюрьмы вырвался, лучше и быть не может, но почему ты меня бросил? Я на тебя страшно обижен, ты, старый лентяй.

– Ты же меня знаешь, Ник. Я быстро закисаю, и тогда меня снова тянет в дорогу.

– Ну, ты выбрал самое время для прогулок. Чем вообще занимаешься? Ну разумеется, вообще ничем, старый лентяй, я по тебе вижу, так что пошли, я все тебе расскажу, пока накупим мяса.

– Ты здесь один?

– Не говори глупостей, кто, черт возьми, должен вести хозяйство, раз ты сбежал, ну кто? Ясно, что я приехал один. Мы с Корой уже не ездим вместе в город, едет один, а второй должен оставаться дома.

– Ладно, пойдем.

Он выбирал мясо целый час, и все это время рассказывал мне, что у него была трещина в черепе, что такого повреждения врачи еще никогда не видели, что у него проблемы с помощниками – он пробовал уже двоих с того времени, как я ушел, и первого выгнал на второй день, а второй через три дня сбежал сам со всем, что было в кассе, – и что отдал бы все на свете, только бы заполучить меня обратно.

– Фрэнк, я тебе кое-что скажу. Завтра мы с Корой едем в Санта-Барбару. К черту, парень, нужно нам немного отдохнуть или нет? Мы едем туда на фиесту, и ты поедешь с нами. Как тебе это нравится, Фрэнк? Ты поедешь с нами, и там мы обсудим, как тебе вернуться снова ко мне. Ты любишь фиесту в Санта-Барбаре?

– Ну да, я слышал, там неплохо.

– Там будут девушки, музыка, танцы прямо на улицах, везде полно еды. Ну как, Фрэнк, что скажешь?

– Пока не знаю.

– Кора бы мне не простила, если бы узнала, что я виделся с тобой и не привел к нам. Иногда она, возможно, дует на тебя, но всегда говорит, что ты хороший парень, Фрэнк. Ну вот, поедем втроем.

– Ладно. Если она не будет против, то я согласен.

* * *

В зале было с десятков посетителей, когда мы вошли, а она была на

кухне: мыла посуду, чтобы можно было сервировать столы заново.

– Эй, эй, Кора, посмотри. Взгляни, кого я привел.

– Господи, не может быть. Где ты его нашел?

– Встретил сегодня в Глендейле. Поедет с нами в Санта-Барбару.

– Привет, Кора. Как дела?

– Ну, вот это сюрприз!

Она быстро вытерла и протянула мне руку, но она все равно была мыльной на ощупь.

Она убежала с заказанным блюдом, а мы с греком сели. Обычно он помогал ей обслуживать клиентов, но теперь ему не терпелось что-то мне показать, поэтому он предоставил ей делать все самой.

Речь шла о большом альбоме вырезок. В самом начале он наклеил свидетельство о натурализации, потом брачное свидетельство и лицензию округа Лос-Анджелес, следом свое фото в форме греческой армии и свадебное фото с Корой и, наконец, все вырезки о своем несчастье. Вырезки из местных газет были, по-моему, скорее о той кошке, чем о нем, но там называлось его имя и сообщалось, что его отвезли в больницу в Глендейл и что он, очевидно, поправится. Но одна вырезка из лос-анджелесской газеты была и вправду больше о нем, чем о кошке, к тому же там были его краткая биография и снимок, сделанный еще в те дни, когда он носил фрак официанта.

Потом пошли рентгеновские снимки. Их было около полдюжины, потому что ему каждый день делали новый снимок, чтобы видеть, как идут дела. Он прикрепил их таким образом, чтобы можно было смотреть на свет: оклеил два листа по краям, в середине вырезал квадратную дыру, в которую засунул снимок.

После рентгеновских снимков пошли квитанции об оплате больничных счетов, квитанции об уплате счетов врачам, квитанции об уплате счетов медсестрам. Этот удар по голове обошелся ему ровно в триста двадцать два доллара, хотите верьте, хотите нет.

– Здорово, да?

– Изумительно. У тебя там все, черным по белому.

– Еще не все готово. Я раскрашу это красным, белым, синим и все разрисую. Смотри.

Он показал мне несколько страниц – все изрисовано какими-то завитушками, раскрашенными красным, белым и синим цветами.

Над свидетельством о натурализации он нарисовал два американских флага и орла, над снимком из греческой армии – скрестил греческий флаг и еще одного орла, а над своим брачным свидетельством изобразил парочку

голубков на ветке. Как разукрасить все остальное, он еще не придумал, и я предложил ему к вырезкам добавить кошку, от хвоста которой летят красные, синие и белые искры. Идея ему понравилась. Но до него не дошло, когда я сказал, что над лицензией на ресторан можно нарисовать пингвина, который бы держал в клюве поднос с надписью: «Сегодня распродажа», а объяснять ему, в чем дело, у меня не было желания.

Одно я понял, почему он так вырядился и почему уже не разносит еду, как раньше, и держится так напыщенно – у него было сотрясение мозга, а это случается не каждый день с такими бедными греками, как он. Он вел себя вроде итальянца, открывшего аптеку. Тот, как только получит диплом, где наверху написано «фармацевт», а внизу висит красная печать, тут же надевает серый костюм с черным жилетом и надувается так, что у него уже нет времени готовить пилюли, не то чтобы мухлевать с шоколадным мороженым. Этот грек вырядился по той же причине.

В его жизни произошло большое событие.

* * *

Я застал ее одну, когда уже подходило время ужина. Он пошел наверх умыться, и мы остались на кухне одни.

– Ты думала обо мне, Кора?

– Разумеется. Тебя я бы так быстро не забыла.

– Я все время думал о тебе. Как поживаешь?

– Я? Нормально.

– Я звонил тебе несколько раз, но все время брал трубку он, а я боялся с ним говорить. Мне удалось подзаработать.

– Да, я рада, что тебе повезло.

– Я заработал, и тут же все спустил. Я думал, что мы могли бы с этого начать, но тут же остался без гроша.

– Я тоже хотела бы знать, куда деваются деньги.

– Ты вправду думала обо мне, Кора?

– Ты же знаешь, что да.

– По твоему поведению не видно.

– Мне кажется, я веду себя нормально.

– Поцелуешь меня?

– Сейчас будем ужинать. Тебе бы нужно освежиться, прежде чем садиться за стол.

Вот так это было. Весь вечер.

Грек опять принес свое сладкое вино и перепел уйму песен, а мы сидели рядом, и по поведению Кору вы бы сказали, что я как раз тот парень, который работал у них когда-то, но она уже забыла, даже как его зовут. Паршивее возвращения к домашнему очагу вы в жизни не видели.

* * *

Когда подошло время ложиться спать, я подождал, пока они уйдут наверх, а сам вышел на улицу, чтобы поразмыслить, стоит ли оставаться и начинать все сначала или поблагодарить ее за все и попытаться забыть о ней.

Я ушел довольно далеко, причем сам не знаю, куда и как, но тут услышал, что в доме ссорятся. Я повернул обратно и, когда подошел ближе, начал разбирать слова. Она кричала как бешеная, чтобы я немедленно убирался из дому. Он что-то бормотал о том, будто хочет, чтобы я остался и помогал ей и дальше. Он пытался ее утихомирить, но я-то понимал, что она так кричала для того, чтобы я ее слышал. Будь я в своей комнате, как она думала, я слышал бы все совершенно четко, но и так я наслушался предостаточно.

Они наконец умолкли. Я проскользнул в кухню, стоял там и слушал. Но больше не услышал ничего, потому что был совершенно разбит и единственный звук, который я мог различить, – это стук моего собственного сердца. Мне показалось, что сердце стучит как-то странно, и тут я вдруг понял, что это стучат два сердца, потому-то и звук такой странный.

Я включил свет.

Она была в красном кимоно, белая как мел, и не сводила с меня глаз, держа в руке длинный тонкий нож. Я отобрал его. Когда она заговорила, шепот ее звучал как змеиное шипение:

- Почему ты вернулся?
- Потому что должен был вернуться.
- Нет, не должен. Я бы как-нибудь с этим справилась. Я старалась забыть тебя. А ты вернулся.
- С чем бы ты справилась?
- С тем, для чего он ведет свой альбом с вырезками. Чтобы показывать его своим детям! Теперь он их хочет. Хотя бы одного, и поскорее.
- Так почему ты не ушла со мной?
- А зачем? Чтобы спать в товарных вагонах? Зачем мне уходить с

тобой? Ну скажи мне.

Мне нечего было ей сказать. Я подумал о тех двухстах пятидесяти долларах, но что толку говорить ей о том, что еще вчера у меня были деньги, а сегодня я спустил их «от борта в лузу»?

– Ты никчемный человек. Я это знаю. Ты просто ничтожество. Почему ты не уберешься? Почему ты вообще сюда вернулся? Почему ты не оставишь меня в покое?

– Послушай. Потяни еще немного с этим ребенком. Потяни время, и, может быть, мы что-нибудь придумаем. Я ничтожество, но я люблю тебя, Кора. Клянусь!

– Ты клянешься, ну и что ты собираешься делать? Он берет меня в Санта-Барбару, чтобы я согласилась завести ребенка, а ты – ты поедешь с нами! Будешь с нами в одном отеле! Поедешь с нами в машине! Ты просто...

Она замолчала. Мы стояли, глядя друг на друга.

Мы втроем в автомобиле. Мы оба знали, что это значит.

Медленно, шаг за шагом мы приближались друг к другу, пока не соприкоснулись.

– Ах Боже, Фрэнк, неужели для нас нет другого выхода?

– Не знаю. Ты только что собиралась пырнуть его ножом.

– Нет. Это было для меня, Фрэнк. Не для него.

– Кора, это судьба. Мы пробовали все, что можно.

– Не хочу жирного греческого ублюдка, Фрэнк. Просто не хочу. Единственный человек, с которым я хотела бы иметь детей – это ты. Если бы ты был приличным человеком. Ты умница, но все равно ты ничтожество.

– Я ничтожество, но я люблю тебя.

– Да, и я люблю тебя.

– Как-нибудь отговори его. Хотя бы на эту ночь.

– Хорошо, Фрэнк. Хотя бы на эту ночь.

Глава 7

Далеко лежит дорога
В царство сладких наших снов,
Где ночами под ветвями
Соловьи зовут любовь.
Отдыхать мы будем долго,
Пусть приснится что-нибудь.
Вместе в раннем полумраке
Мы отправились в тот путь.

- Ну, они у вас и весельчаки, а?
- По-моему, даже слишком.
- Так не пускайте их за руль, миссис. Тогда хоть ничего не случится.
- Надеюсь. Не нужно бы с этими пьяницами никуда ездить, я знаю. Но что я должна была делать? Я сказала, что не поеду с ними, так они заявили, что поедут сами без меня.
- Еще сломают себе где-нибудь шею.
- Вот именно. Так уж лучше я поведу машину. Ничего другого не остается.
- Человек никогда не знает, что лучше. С вас за бензин доллар шестьдесят. Масло в порядке?
- Думаю, да.
- Спасибо, миссис. До свидания.

Она снова села за руль, а мы с греком продолжали петь и буянить. Это был первый акт разыгранной нами с Корой пьесы. Я должен был быть пьян, что избавляло от подозрений в способности совершить обдуманное преступление. На этот раз убийство должно было быть таким простым, чтобы даже не походить на убийство. Обыкновенное дорожное происшествие с пьяницами, с бутылками спиртного в машине – словом, со всем, что требуется. Само собой, что, когда я приналег на бутылку, грек тут же присоединился, так что я скоро довел его до нужной кондиции. Мы остановились заправиться, чтобы был свидетель, как она расстроена и устала, потому что все время была за рулем и не могла выпить.

Перед этим нам чертовски повезло. Перед самым закрытием таверны, около девяти, у нас остановился поужинать какой-то парень и как раз стоял

на дороге и смотрел на нас, когда мы выезжали. Он видел всю эту комедию: видел, как я дважды пытался тронуться и у меня дважды глох мотор; слышал, как мы ругаемся с Корой, что я слишком пьян, чтобы сидеть за рулем; видел, как она вышла и заявила, что никуда не поедет; видел, как пытаемся тронуться мы с греком; видел, как она заставила нас поменяться местами, чтобы я сидел сзади, а грек впереди, а потом села за руль и поехала сама. Звали его Джеф Паркер, он разводил кроликов в Энчино. Кора получила от него визитку, когда заметила, что стоит попробовать, как пойдут блюда из кролика. Так что мы знали, где его искать, если вдруг понадобится.

* * *

Мы с греком пели «Матушку Мари», и «Смейся, смейся», и «У старой мельницы» и не заметили, как оказались у поворота на Малибу-Бич и свернули. Хотя правильно было ехать прямо. К побережью ведут две дороги. По одной, в десяти милях от моря, теперь ехали мы. Вторая, шедшая вдоль берега, осталась слева от нас. В Венчуре они сливаются и ведут вдоль моря в Санта-Барбару, Сан-Франциско и еще дальше. Кора никогда не видела Малибу-Бич, где живут кинозвезды, и хотела ехать к океану по этой дороге, чтобы потом проехать еще несколько миль и увидеть это чудо, и уже после развернуться и ехать прямо в Санта-Барбару.

В действительности, дело заключалось в том, что эта дорога была, пожалуй, худшим горным участком во всей округе, и авария на ней никого бы не удивила, даже полицейских. Там темно и почти никто не ездит, нигде нет домов и ничего такого, так что для того, что мы собирались сделать, это место подходило как нельзя лучше.

Грек вообще ничего не заметил. Мы миновали небольшой летний кемпинг среди холмов, который назывался Малибу-Лейк, где на площадке шли танцы, а на озере кружили парочки в каноэ. Я им что-то закричал. Грек присоединился:

– Задай ей жару и за меня!

Все это мелочи, но зато мы получили лишнюю отметину на нашей трассе, если бы кто вздумал копнуть поглубже.

Мы начали подниматься на первую гряду гор. Три мили подъема. Я сказал ей, как надо ехать: в основном – на второй передаче. Отчасти потому, что там каждые двадцать метров – крутой поворот, при прохождении которого машина потеряла бы скорость и все равно пришлось

бы переходить на вторую, чтобы не заглох мотор; а отчасти – чтобы мотор был перегрет. Все должно соответствовать. Нам предстояла уйма объяснений.

Когда грек выглянул наружу и увидел, какая там темнота, хоть глаз выколи, а вокруг эти ужасные горы без единого огонька, дома или бензоколонки, он вдруг ожил и начал спорить:

- Подожди, подожди, разворачивайся. Господи, ты едешь не туда!
- Неправда. Я знаю, где мы. Так мы выедем на Малибу-Бич. Ты что, не помнишь? Я тебе говорила, что хочу туда заглянуть.
- Поезжай потихоньку.
- Я еду потихоньку.
- Совсем потихоньку. А то мы все разобьемся.

Мы взобрались на гору и начали спускаться. Она заглушила мотор. Когда вентилятор выключен, мотор за несколько минут быстро нагревается. Внизу, под горой, она снова завела мотор. Я взглянул на приборы. Вода нагрелась почти до ста градусов. Мы начали взбираться на следующую гору, и температура пошла вверх.

– Вот оно, вот оно.

Это был наш сигнал. Одна из тех глупостей, которые человек лепит когда угодно, и никто на них внимания не обращает. Она съехала на обочину. Обрыв под нами был так глубок, что не видно дна. Наверно, метров сто пятьдесят.

- Лучше дадим ему остыть.
- Да уж, нечего сказать. Фрэнк, ты посмотри, что делается. Посмотри, где стрелка.
- Сколько там?
- Больше ста двадцати. Сейчас мотор заклинит.
- Ну да.

Я достал разводной ключ. Он лежал у меня под ногами. Но тут наверху, на горе, я увидел огни какой-то машины. Нужно подождать. Нужно немного подождать, пока машина не пройдет.

– Ну ладно, Ник. Споем.

Он снова выглянул наружу, но, похоже, ему было не до песен. Он открыл дверцу и вышел. Мы слышали, как его рвет. Он все еще стоял там, когда тот автомобиль проехал мимо. Я успел взглянуть на номер, чтобы запомнить его навсегда. Потом расхохотался. Она оглянулась на меня.

- Не обращай внимания. Они нас запомнят. Оба мужчины были живы, когда они проезжали мимо.
- Номер ты рассмотрел?

– 2Р-58-01.

– 2Р-58-01. 2Р-58-01. Отлично. Я это запомню.

– Ладно.

Он вернулся к нам, и казалось, что ему лучше.

– Ты слышал?

– Что я должен был слышать?

– Ну, когда ты хохотал. Эхо. Тут отличное эхо.

Он взял высокую ноту. Никакой мелодии, только высокий тон, как на пластинке Карузо. Резко оборвал его и послушал, как он повторяется. Эхо тут же и резко смолкло, точно как он.

– Похоже на меня?

– Точно как ты, дружище. Точно так же.

– Господи, как чудесно.

Он стоял там минут пять, импровизировал в высоких тонах и слушал, как они возвращаются. Он впервые слушал собственный голос. Радовался этому, как горилла, впервые узнавая себя в зеркале. Она не сводила с меня глаз. Нужно было спешить. Я начал разыгрывать недовольство:

– Ну что ты дурака валяешь? Думаешь, мы будем целый вечер слушать, как ты пытаешься перекрыть самого себя? Брось это и лезь внутрь. Едем.

– Уже поздно, Ник.

– Ну ладно, ладно.

Он уселся, но тут же высунул рожу из окна и продолжал орать. Я уперся ногой и, когда подбородок у него был на раме окна, ударил его разводным ключом. Голова у него загудела, и я почувствовал, как она треснула.

Он рухнул и свернулся на сиденье в клубок, как кошка на диване. Прошел, наверное, целый год, пока он затих.

Потом Кора издала страшный звук, который кончился стоном. Это было еще одно эхо его голоса. Она взяла такую же высокую ноту, как он, напряглась, умолкла и ждала.

Глава 8

Мы ничего не сказали друг другу. Мы знали, что надо делать.

Она перебралась назад, я пересел вперед. В свете приборной доски я взглянул на разводной ключ. На нем было несколько капель крови. Я открыл бутылку вина и лил его на ключ, пока не смыл кровь. Лил так, чтобы налить и на грека. Потом я вытер разводной ключ сухим подолом его пиджака и вернул его ей. Она сунула его под сиденье. Я выплеснул еще немного вина на то место, где вытирал разводной ключ, разбил о дверцу бутылку и положил осколки в эту лужу. Потом тронулся. Вино забулькало, вытекая из обломков.

Немного проехав, я перешел на вторую скорость. Нельзя было сбросить машину с того стопятидесятиметрового обрыва, у которого мы стояли. Нам предстояло потом спуститься к нему, а упади она с такой высоты, как бы мы объяснили, что остались в живых? Я неторопливо ехал к тому месту, где ущелье уходило вверх и где откос был метров пятнадцать, не больше. Добравшись туда, я съехал на край, притормозил и вытянул ручной газ. Когда правое переднее колесо повисло в воздухе, я резко нажал на тормоз, машина остановилась. Это мне и было нужно. Мотор должен быть на ходу, зажигание включено, но нейтраль удержит машину на месте, пока мы не сделаем все необходимое.

Мы вышли на дорогу, а не на обочину, чтобы не оставлять следов. Она подала мне камень и брусок, которые были у меня в чемодане. Камень я положил под заднюю ось. Он подошел, потому что я его специально выбирал. Я засунул под задний мост и упер в камень брусок. Потом навалился сверху. Автомобиль наклонился, но остался на месте.

Я снова нажал. Он наклонился чуть больше. Я даже вспотел. Заехать в такую даль с трупом в машине, а что если нам не удастся ее перевернуть? Я навалился снова, но на этот раз она встала рядом. Мы навалились вдвоем. И еще раз. И вот мы наконец рухнули плашмя на дорогу, а машина кувыркалась с откоса с таким грохотом, который был слышен на целые мили.

Наконец она остановилась. Фары все еще светили, но машина не загорелась. Это было к лучшему. Если бы машина сгорела, то как же мы сумели спастись? Я поднял камень и швырнул его с обрыва. Забрав брусок, я отбежал подальше и бросил его прямо на дорогу. О нем у меня голова не болела. Всюду по дороге, куда бы вы ни поехали, валяются куски дерева,

упавшие с грузовиков и размолотые колесами проходящих автомобилей, и этот сойдет за один из них. Брусок валялся у нас во дворе с самого утра, и теперь весь был покрыт следами колес и оббит.

Я вернулся назад, взял ее на руки и спустился с ней с откоса. Это из-за следов. О своих я не беспокоился – я полагал, что туда вот-вот нагрянет уйма мужчин, а вот отпечатков женских каблучков в ту сторону быть не должно – вдруг кто-то заинтересуется.

Я поставил ее на землю. Машина висела на двух колесах примерно на середине обрыва. Он остался внутри, но теперь лежал на полу. Винная бутылка была зажата между ним и сиденьем, и, когда мы заглянули, в ней вдруг забулькало. Крыша была вдавлена внутрь, оба бампера смяты. Я попробовал дверцы. Это было важно, потому что мне надо было попасть внутрь и порезаться о стекло прежде, чем Кора выберется наверх на дорогу, чтобы позвать на помощь. Дверцы открылись без проблем.

Я начал возиться с ее блузкой, оторвал пару пуговиц, чтобы Кора выглядела как положено пострадавшей. Она смотрела на меня в упор, и глаза ее казались не синими, а дьявольски черными.

Я чувствовал, как часто она дышит. Потом она вздрогнула и прижалась ко мне:

– Ударь меня! Порви что-нибудь!

Я схватил Кору и, рванув на ней блузку, разорвал от горла до талии.

– Это случилось, когда ты вылезала наружу. Зацепилась за дверную ручку.

Голос мой звучал странно, как из жестяного рупора:

– А ты об этом не знаешь.

Я размахнулся и изо всей силы ударил ее по лицу. Она лежала у моих ног, глаза ее сверкали, грудь вздымалась, заалели, набухая, соски. Она лежала навзничь, и из моего горла рвался звериный хрип, язык распух и не умещался во рту, в нем пульсировала кровь.

– Да! Да! Фрэнк, да!

Потом я только помню, что оказался на земле рядом с ней, глаза в глаза, мы сжимали друг друга в объятиях и старались прижаться еще теснее. В ту минуту подо мной мог разверзнуться ад, и мне было бы все равно.

Она должна быть моей, пусть даже меня за это повесят.

Она была моей.

Глава 9

Несколько минут мы еще лежали, отключившись от мира. Было так тихо, что слышалось только бульканье внутри машины.

– Что теперь, Фрэнк?

– Дело еще не сделано, Кора. Теперь нельзя оступиться. Ты уверена, что справишься?

– Теперь я смогу все.

– Полицейские за тебя возьмутся. Захотят тебя сломить. К этому ты готова?

– Думаю, да.

– Возможно, тебя в чем-то обвинят. Сомневаюсь, что смогут, с такими свидетелями, как наши. Но все может быть. Могут пришить тебе неумышленное убийство, и тогда ты на год сядешь за решетку. И такое возможно. Думаешь, выдержишь?

– Если ты будешь ждать моего возвращения.

– Буду.

– Тогда вытерплю.

– На меня не обращай внимания. Я пьян. Они это проверят и убедятся. Я с ходу начну говорить. Это чтобы сбить их с толку, потом протрезвею и выдам им новую версию, которую ты сможешь разбить в пух и прах.

– Я запомню.

– И ты на меня ужасно сердита. Что я так напился. Что я во всем этом виноват.

– Да, я знаю.

– Тогда за дело.

– Фрэнк...

– В чем дело?

– Еще одно. Мы должны любить. Если мы будем любить друг друга, то все остальное неважно.

– А разве мы?..

– Я скажу это первая. Я люблю тебя, Фрэнк.

– Я люблю тебя, Кора.

– Поцелуй меня.

Я поцеловал ее и прижал к себе, и тут увидел свет фар на спуске к ущелью.

– А теперь лети на дорогу. Ты справишься.

- Теперь я справлюсь.
- Проси о помощи. Ты еще не знаешь, что он мертв.
- Хорошо.
- Ты упала, когда вылезла наружу. Потому ты вся в песке.
- Ладно. Прощай.
- Прощай.

Она кинулась к дороге, а я – к машине. Но тут я заметил, что я без шляпы. Я должен был быть в машине, и шляпа со мной. Я кинулся искать ее вокруг. Машина была все ближе. До нее оставалось всего два-три поворота, а я все еще не мог найти шляпу, и на мне ни царапинки. Я плюнул и побежал к машине, тут же упал и попал ногой в шляпу. Схватив ее, я прыгнул внутрь. Я еще не упал на пол, когда автомобиль вдруг покачнулся и рухнул на меня. Это было последнее, что я увидел.

* * *

Потом я лежал на земле, а со всех сторон были слышны чьи-то крики и разговоры. Левую руку пронизывала такая дикая боль, что я выл и ругался при каждом ее приступе, и со спиной дело было не лучше. В голове у меня как будто работали мехи, которые то надувались, то опадали. Земля под мной вдруг куда-то провалилась, и меня вырвало всем тем свинством, которое я выпил. Я был там и не был, но в голове у меня осталось еще достаточно мозгов, чтобы бить по земле вокруг себя. Вся одежда у меня была в песке, и этому нужно было найти объяснение.

* * *

Потом мои уши резанула сирена, и я оказался в санитарной машине. В ногах у меня сидел полицейский, а моей рукой занимался врач. Увидев свой руку, я снова сомлел. Из нее хлестала кровь, а между запястьем и локтем она была согнута, как кривая ветвь. Перелом. Когда я снова пришел в себя, доктор еще возился с ней, а я вспомнил о своей спине. Попытался шевельнуть ногой и посмотрел, не сломал ли и ее. Она двигалась.

* * *

Тряска снова привела меня в чувство, и, оглядевшись, я увидел грека. Он лежал на соседних носилках.

– Эй, Ник!

Никто ничего не сказал. Я продолжал озираться, но Кору нигде не увидел.

* * *

Потом мы остановились, и грека вынесли наружу. Я ожидал, что меня тоже вынесут, но нет. Я знал точно – теперь он мертв, и никакая сказочка о кошке теперь не пройдет. Если бы нас вынесли обоих, мы были бы в больнице. Но раз вынесли только его, значит, остановка была у морга.

* * *

Мы поехали дальше, и, когда снова остановились, меня вынесли наружу, потом внесли внутрь, положили носилки на каталку и привезли в белую комнату. Там начали заниматься моей рукой, принесли машинку, из которой я должен был надыхаться веселящим газом, но что-то напутали. Потом появился еще один врач, который кричал, что он тюремный врач и что больничные доктора все испортили. Я знал, о чем он. Речь шла о пробах на алкоголь. Дай они мне наркоз, они бы испортили пробу, самую важную. Тюремный врач наконец победил и дал мне подуть в стеклянную трубочку с какой-то жидкостью, похожей на воду, но тут же пожелтевшей, когда я в нее дунул. Он взял у меня пробу крови и сделал еще кое-какие анализы, которые поместили в бутылочки. Только после этого мне дали наркоз.

* * *

Когда я начал приходить в себя, оказалось, что я лежу в постели, вся голова у меня обмотана бинтами, рука тоже, да еще и на перевязи, а спина так плотно облеплена пластырем, что я едва мог шевельнуться. Возле меня сидел полицейский и читал газету. Голова у меня раскалывалась от боли, спина горела, а в руке кололо тысячами игл. Потом пришла сестра, дала мне порошок и я уснул.

Я проснулся, когда был уже день, и мне дали что-то поесть. Пришли еще двое полицейских, положили меня на носилки, спустили вниз и сунули в санитарную машину.

- Куда мы едем?
- На опознание.
- На опознание? Это делают, когда кто-то умер, да?
- Верно.
- Да, я боялся, что они не выкарабкаются.
- Только один.
- Кто?
- Мужчина.
- Вот что... А как она, тяжело ранена?
- Не очень.
- Мои дела обстоят неважно, да?
- Держи язык за зубами, парень. Все, что скажешь, может тебя здорово подвести, когда предстанешь перед судом.
- Это точно, спасибо.

Мы остановились перед похоронным бюро в Голливуде и меня внесли внутрь. Там была Кора, и выглядела очень неплохо. На ней была блузка, которую явно одолжила ей какая-то надзирательница, она топорщилась на животе, как набитая сеном. Костюм и туфли все еще были грязные, а один глаз совсем заплыл – с той стороны, где я ее ударил. С ней была тюремная надзирательница. Коронер стоял сзади, у стола, с каким-то бумагомарателем. С одной стороны сидело с полдюжины насупленных типов под присмотром полицейских. Это были присяжные. Там была еще уйма других людей, и полицейские расставляли их по местам. Хозяин похоронного бюро на цыпочках ходил вокруг, то и дело придвигая кому-нибудь стул. Он принес два стула для Кору и надзирательницы. С одной стороны стола что-то было прикрыто простыней.

Как только мы с носилками разместились как надо, коронер постучал карандашом, и тут все началось. Первым пунктом программы было опознание личности. Когда простыню подняли, она разрыдалась, да и мне не слишком понравилось то, что я увидел. Когда она посмотрела, и я посмотрел, и присяжные посмотрели, простыню опустили.

- Вы знаете этого человека?
- Он был моим мужем.

– Его имя?

– Ник Пападакис.

Тут пришли свидетели. Сержант рассказал о том, как ему позвонили, и как он прежде всего вызвал «скорую», и как потом поехал туда с двумя полицейскими, и как отправил Кору в больницу, остановив попутную машину, а меня и грека – на «скорой», и как грек умер по дороге, и как его выгрузили у морга. Затем говорил какой-то почтальон, его звали Райт, что проезжал поворот, когда сначала услышал женский крик, а потом – грохот и увидел, как какой-то автомобиль с включенными фарами катится прямо в обрыв. Он увидел на дороге Кору, она звала на помощь, спустился с ней к машине и попытался вытащить меня и грека. Ему это не удалось, потому что на нас лежал автомобиль, и тогда он послал брата, который ехал с ним, за помощью. Вскоре там было много людей и полицейских, и, когда те взяли все в свои руки, автомобиль отодвинули и нас погрузили в «скорую». Его брат рассказал то же, с той только разницей, что вернулся с полицейскими.

Тюремный врач показал, что я был пьян и что анализ содержимого желудка грека показал – тот тоже набрался, но Кора пьяна не была. Потом он объяснил, из-за какого повреждения умер грек. Затем ко мне повернулся коронер и спросил, хочу ли я дать показание.

– Да, а почему бы и нет?

– Предупреждаю, что все, что вы скажете, может быть использовано против вас и что вы не обязаны давать показания, если не желаете.

– Мне нечего скрывать.

– Ну хорошо. Что вы об этом знаете?

– Я знаю только, что вначале ехал совершенно нормально. Потом я почувствовал, что машина подо мной проваливается, меня что-то ударило, и это все, что я помню, пока не очнулся в больнице.

– Вы говорите, ехал?

– Да, сэр.

– Хотите сказать, что машину вели вы?

– Да, сэр, я.

От этих слов я хотел потом отказаться, когда начнется что-то посерьезнее этого слушания. Я рассчитывал, что если вначале я выдам такую глупость, а потом одумаюсь и буду утверждать совсем другое, то вторая история будет звучать как чистейшая правда, а если мы с Корой начнем петь в унисон с самого начала, в этом сразу заподозрят сговор.

Но теперь я решил вести себя иначе. Я хотел выглядеть ничтожеством с самого начала. Раз я не был за рулем, кем бы я ни был, обвинить меня не

могли. Чего я боялся, так это обвинения в обдуманном убийстве, которое мы совершили на самом деле. Достаточно какой-нибудь мелочи, и с нами было бы кончено. Но если меня с самого начала все будут считать ничтожеством, то тогда не должно случиться ничего страшного, меня никто не заподозрит. Чем большим ничтожеством и пьяницей буду я в их глазах, тем меньше это будет похоже на убийство.

Полицейские взглянули друг на друга, а коронер оглядел меня как сумасшедшего. Они же слышали, что меня вытащили из-под заднего сиденья.

– Вы уверены, что вы вели машину?

– Разумеется.

– Вы были пьяны?

– Не был.

– Вы слышали результаты тестов, которые вам сделали?

– О тестах я ничего не знаю. Знаю только, что я не был пьян.

Он повернулся к Коре. Она обещала рассказать все, что сможет.

– Кто вел машину?

– Я.

– Где сидел этот человек?

– На заднем сиденье.

– Он пил?

Она отвела глаза в сторону, вздохнула и, чуть всхлипнув, спросила:

– Я должна отвечать на ваш вопрос?

– Вы можете не отвечать, если не хотите.

– Я не хочу отвечать.

– Ладно. Расскажите своими словами, что случилось.

– Я вела машину. Там длинный подъем, и мотор перегрелся. Муж сказал, чтобы я остановилась и дала ему остыть.

– Как сильно он перегрелся?

– За сто двадцать градусов.

– Продолжайте.

– Когда мы начали спускаться, я заглушила мотор, но внизу он все равно был перегрет, так что перед следующим подъемом мы остановились. Стояли минут десять. Потом снова тронулись. Не понимаю, что случилось. Я набрала слишком большую скорость и не могла затормозить, переключила на вторую передачу, а мужчины разговаривали между собой, и, видимо, из-за этого резкого переключения... короче, я вдруг почувствовала, как одна сторона машины проваливается. Я крикнула, чтобы они выскакивали, но было уже поздно. Я почувствовала, как машина

переворачивается, а потом уже только помню, как выбиралась наружу, а потом стояла наверху, на дороге.

Коронер снова повернулся ко мне:

– В чем вы нас тут пытаетесь убедить? Хотите защитить эту женщину?

– Я не заметил, чтобы она защищала меня.

Присяжные вышли и вернулись с решением, что Ник Пападакис погиб в результате автомобильной катастрофы на дороге в Малибу-Лейк, вызванной целиком или частично халатностью с моей стороны или со стороны Кору, и постановили, чтобы мы были подвергнуты аресту до заседания Большого жюри.

В ту ночь у меня в больнице дежурил другой полицейский, и на следующее утро он сказал мне, что на меня придет взглянуть мистер Саккет, так чтобы я вел себя прилично. Я не слишком испугался, но все же побрился у больничного парикмахера, и тот меня облагородил, как сумел. Я знал, кто такой Саккет. Это был окружной прокурор. Он явился только в половине одиннадцатого, полицейский вышел наружу и оставил нас одних. Это был здоровенный тип, плешивый, с благородными манерами.

– Ну что? Как дела?

– Все хорошо. Мне немного досталось, но это пройдет.

– Как сказал тот тип, что выпал из самолета, полет был просто сказка, только приземление жестковато.

– Именно так.

– Послушайте, Чемберс, вы не обязаны говорить со мной, если не хотите, но я пришел к вам отчасти потому, что мой опыт показывает, что откровенный разговор может избавить от множества неприятностей, а иногда и открыть путь к разумной защите, и в любом случае, как говорит один мой коллега, после этого, так или иначе, мы лучше понимаем друг друга.

– Ну ясно, господин прокурор. Что вы хотите знать?

Я постарался, чтобы это звучало достаточно цинично, и он надолго уставился на меня.

– Допустим, начнем сначала.

– Об этой поездке?

– Именно. Я хочу знать о ней все.

Он встал и начал расхаживать по комнате. У самой моей постели были расположены двери, и я их резко распахнул. Полицейский в другом конце коридора любезничал с сестрой.

Саккет рассмеялся:

– Ну что вы, никаких диктофонов здесь нет. Их вообще не используют,

разве что в кино.

Я оскалился в глуповатой улыбке. Я добился от него того, чего и хотел. Попробовал на нем простейший трюк, и он попался.

– Ну вот, господин прокурор. Конечно, ничего хорошего все равно бы не получилось, как мне теперь кажется. Ну ладно, начнем по порядку, и я расскажу вам, как все было. Я, конечно, влип, я знаю, но думаю, что если я буду лгать, то мне это все равно не поможет.

– Это разумный подход, Чемберс.

Я рассказал ему, как ушел от грека, и как снова наткнулся на него на улице, и как он звал меня назад, и как пригласил меня в эту поездку в Санта-Барбару вместе с ними, чтобы обсудить все возможности. Я рассказал ему, как мы загрузили машину вином, и как выехали, и что я был за рулём.

Тут он меня прервал:

– Значит, вы вели машину.

– А что, господин прокурор?

– Как вы себе это представляете, Чемберс?

– Дело в том, что я слышал ее слова при опознании и слышал, что говорили полицейские. Знаю, где меня нашли. Так что я прекрасно знаю, кто был за рулем. Она. Но раз я должен рассказать все, что помню, то должен сказать, что вел машину я. Я коронеру ни в чем не солгал, господин прокурор. Мне все еще кажется, что машину вел я.

– Вы лгали, что не были пьяны.

– Это факт. Я был одуревшим от выпивки, и от наркоза, и от лекарств, и лгал, это точно. Но теперь я в порядке, и у меня хватит ума понять, что выручить меня если что и может, то только правда. Ясно, что я был пьян. Залил глаза под завязку. И единственное, о чем я мог думать, так это о том, что нельзя сознаваться, что я был пьян, так как я вел машину, и узнай они, что я был пьян, мне конец.

– Вы собираетесь сказать это присяжным?

– Придется, господин прокурор. Но я все еще не понимаю, как за рулем оказалась она. Ведь выезжал из дому я. Это точно. Я даже помню, что там стоял какой-то парень и смеялся надо мной. Так как же получилось, что машину вела она, когда мы рухнули вниз?

– Вы проехали всего несколько метров.

– Вы хотите сказать, несколько миль?

– Я говорю, несколько метров. Потом вас за рулем сменила она.

– Боже, я, наверно, отключился.

– Ну, это одна из немногих вещей, которым присяжные наверняка

поверят. Это выглядит так убедительно, как обычно выглядит правда. Да, этому они поверят.

Он сидел там и разглядывал свои ногти, а я чуть не рассмеялся. Я даже обрадовался, когда он продолжил свои вопросы, и я смог переключиться на что-то другое, удивляясь, как легко я его провел.

– Когда вы начали работать на Пападакиса, Чемберс?

– Прошлой зимой.

– Как долго вы у него оставались?

– Я ушел месяц назад. Может, шесть недель.

– Вы работали у него полгода?

– Пожалуй, так.

– А что вы делали до того?

– По-разному. Странствовал по свету.

– Ездили на попутных? В товарных поездах? Подрабатывали на еду и все прочее?

– Да, сэр.

Он открыл чемоданчик, выложил на стол пачку бумаг и начал в них копаться:

– Вы были когда-нибудь во Фриско?

– Я там родился.

– В Канзас-Сити? В Нью-Йорке? В Нью-Орлеане? В Чикаго?

– Да, я всюду был.

– Вы попадали в тюрьму?

– Да, господин прокурор. Знаете, когда скитаешься с места на место, тут и там, обязательно попадаете в полицию. Да, сэр, я попадал в тюрьму.

– Вы были в тюрьме в Таксоне?

– Да, сэр. Думаю, там мне дали десять дней. За незаконное использование железнодорожного имущества.

– В Солт-Лейк-Сити? В Сан-Диего? В Вичите?

– Да, сэр. И там тоже.

– В Окланде?

– Там я отсидел три месяца, господин прокурор. Подрался с вокзальным детективом.

– Вы его неплохо отделали, а?

– Знаете, как говорит парень в одной пьесе, отделали его порядочно, но вам бы надо видеть другого. Он мне тоже задал взбучку.

– Лос-Анджелес?

– Один раз. Но только три дня.

– Чемберс, что заставило вас начать работать у Пападакиса?

– Это только случайность. Я был голоден, а ему как раз кто-то был нужен. Я зашел туда перекусить, а он мне предложил работу, и я согласился.

– Чемберс, вам не кажется это странным?

– Не знаю, что вы имеете в виду, господин прокурор.

– То, что вы столько лет скитались по свету, работой никогда не интересовались и нигде толком не работали, насколько я знаю, и вдруг остепенились, находите постоянное место и трудитесь как пчелка?

– Ну, честно говоря, мне там не слишком нравилось.

– Но вы терпели.

– Ник был одним из лучших людей, которых я когда-либо встречал. Когда я немного поднакопил денег, я хотел сказать ему, что смываюсь, но не смог его огорчить, раз у него были такие проблемы с помощниками. А когда с ним произошло несчастье и его не было дома, я и взял ноги в руки. Просто убрался, и все. Конечно, не следовало оставлять его в беде, но у меня просто такой характер, господин прокурор. Не могу сидеть на месте. Короче, я потихоньку смылся.

– А через день после того, как вы вернулись, он погиб.

– Теперь вы пробудили во мне нечистую совесть, господин прокурор. Возможно, присяжным я это расскажу иначе, но вам скажу, что я чертовски виноват. Не будь там меня и не уговори я его выпить после обеда, возможно, он был бы жив. Поймите, возможно, здесь нет ничего общего. Я не знаю. Я был не в себе и не знаю, что произошло. Но все-таки не будь в машине двух пьяниц, она бы, наверно, вела машину лучше, вам не кажется? Мне, по крайней мере, да!

Я взглянул, как ему это понравилось. Он вообще не смотрел на меня. Ни с того ни с сего он вдруг вскочил, подошел к постели и схватил меня за плечо:

– Оставьте это, Чемберс. Как же это вы у Пападакиса выдержали целых полгода?

– Я вас не понимаю, господин прокурор.

– Нет, понимаете. Я ее видел, Чемберс, и догадываюсь, почему вы это сделали. Вчера она была у меня в кабинете. С фонарем под глазом и помятая, но и так выглядела преотлично. Из-за таких крошек уже не один парень сбился с пути, какой бы у них ни был непоседливый характер.

– Откуда, господин прокурор? Вы ошибаетесь!

– Слишком уж все хорошо получается, Чемберс. Налицо автомобильная катастрофа, которая еще вчера однозначно была несчастным случаем, а сегодня уже не знаю что. Если как следует покопать, то появятся

свидетели, а когда их показания соберут вместе, все дело будет у меня в руках. Ну так, Чемберс. Вы с этой женщиной убили грека, и чем раньше в этом признаетесь, тем лучше для вас.

Я вам доложу, на этот раз мне было не до смеха. Я чувствовал, как у меня онемели губы, и хотел что-то сказать, но не мог издать ни звука.

– Ну, почему вы молчите?

– Вы меня оскорбляете. Обвиняете в ужасных вещах. Не знаю, что и ответить, господин прокурор.

– Вы только что наговорили более чем достаточно, уверяя меня, что выручить вас может только правда. Чего же это вы вдруг лишились дара речи?

– Вы меня совсем запутали.

– Ладно, разберем все по порядку, чтобы вас не путать. Во-первых, вы с этой женщиной спите, правда?

– Ничего подобного.

– А в ту неделю, когда Пападакис был в больнице? Где вы спали тогда?

– В своей комнате.

– А она в своей? Не говорите глупостей, говорю вам, я ее видел. Я бы влез к ней в постель, даже если бы пришлось взломать дверь и быть повешенным за изнасилование. И вы тоже. И вы у нее были.

– Я даже никогда не думал об этом.

– А как насчет поездок на рынок Хассельмана в Глендейл? Чем вы занимались на обратном пути?

– Но ведь Ник сам посылал меня.

– Я не спрашиваю, кто вас туда посылал. Спрашиваю, чем вы с ней занимались.

В таком ужасном положении срочно нужно было что-то делать. Единственное, что мне пришло в голову, – сделать вид, что я ужасно расстроен.

– Ну ладно, предположим, у меня с ней что-то было. Не было, но, если вам так хочется, пусть будет. Но зачем тогда нам избавляться от него, если все было так просто? Господи, я слышал о парнях, которые были способны на убийство из-за того, что не могли получить свое, но никогда – о человеке, который бы ради этого дела убивал, уже получив свое.

– Нет? Так я вам скажу, почему вы от него избавились. Во-первых, из-за участка и дома, за которые Пападакис выложил четырнадцать тысяч долларов наличными. И ради другого рождественского подарочка, о котором вы с этой женщиной думали, что он упадет вам прямо в руки и никому это не покажется странным. Из-за той жалкой страховки на десять

тысяч долларов, которую заключил Пападакис.

Я все еще видел его лицо, но вокруг вдруг все потемнело, и я чуть не уделал постель. В следующую секунду он уже держал у моего рта стакан воды:

– Выпейте. Это поможет.

Я отпил немного. Это было необходимо.

– Чемберс, у меня такое впечатление, что это на многие годы будет последним убийством, в котором вы замешаны, но если вы когда-нибудь займетесь этим снова, оставьте в покое страховые компании. Они тратят на одно расследование в пять раз больше, чем округ Лос-Анджелес позволяет расходовать мне. Их детективы впятеро лучше моих. Знают свое дело от "а" до "я" и берут мертвой хваткой. Для них успех означает деньги. Вот в чем вы с ней сделали большую ошибку.

– Господин судья, Богом клянусь, я ни о какой страховке раньше не слышал.

– Вы побелели как мел.

– А вы бы не побелели?

– Послушайте, а не хотите перейти на мою сторону с самого начала? Как насчет полных показаний, быстрого признания вины, а я бы для вас в суде сделал что смогу? Ходатайствовал бы для вас обоих о признании смягчающих обстоятельств.

– Ни в коем случае.

– А как же все то, что вы мне наговорили? Бредни о правде, и что перед присяжными вы будете чисты, как перед Богом, и все остальное? Думаете, сможете отовратиться? Думаете, я вам это позволю?

– Не знаю, что вы позволите. И ни черта меня это не интересует. Вы стойте на своем, а я – на своем. Я ничего не сделал и на этом настаиваю. Ясно?

– Значит, вас это не интересует. Ладно, я вам скажу, что услышат от меня присяжные. Во-первых, вы с ней спали, не так ли? Потом с Пападакисом произошло несчастье, и вы этим воспользовались. Ночью – в постели, далее – на пляже, и все время держали друг друга за руки и смотрели в глаза. Потом вам пришла блестящая идея. Раз уж с ним было несчастье, пусть оформит страховку, и вы его уберете. И тогда вы исчезли, чтобы она могла спокойно действовать. Начала обрабатывать мужа и скоро добилась своего. Он оформил страховку, вполне приличную страховку, которая охватывала несчастные случаи, болезни и все такое и стоила сорок шесть долларов семьдесят два цента. Теперь вам ничто не мешало. Через два дня Фрэнк Чемберс как бы случайно встречается на улице Ника

Пападакиса, и Ник уговаривает его вернуться на работу. А что вы скажете на то, что они с женой едут на фиесту в Санта-Барбару, номер в отеле уже заказан, вещи сложены, и почему бы, собственно, Фрэнку Чемберсу не поехать с ними, по старой дружбе? И вы поехали. Напоили грека, да и сами хлебнули немного. Погрузили в машину несколько бутылок вина, чтобы втереть очки полицейским. Потом вы свернули на Малибу-Лейк, якобы она захотела взглянуть на Малибу-Бич. Это была та еще идея. Одиннадцать ночи, а она едет по горам взглянуть на несколько домиков у моря. Но туда вы не доехали. Остановились. А когда остановились, вы стукнули грека одной из бутылок по голове. Бутылка для этого очень подходит, Чемберс, никто не знает этого лучше вас, потому что именно бутылкой вы врезали по голове тому вокзальному сыщику в Окленде. Вы вырубili грека, а она поехала дальше. И пока она вылезала на подножку, вы нагнулись вперед, держали руль и работали ручным газом. Поскольку мотор на нем тянул слабо, поставили вторую скорость. Она вылезла на подножку, взяла руль, и наступила ваша очередь вылезать.

Но вы были выпивши, не так ли? Вы оказались слишком неловким, а она немного поспешила перевернуть машину. Так что она соскочила, а вы остались внутри. Думаете, присяжные этому не поверят? Поверят, потому что я докажу каждое слово, от поездки на пляж до положения ручки газа, и тогда для вас не останется никаких смягчающих обстоятельств, молодой человек. Будете болтаться в петле, это я вам гарантирую, а когда вас снимут, то зароят рядом с теми последними идиотами, которые отвергли шанс вынуть голову из петли.

— Все было не так! Я об этом вообще ничего не знаю.

— В чем вы меня хотите убедить? Что все сделала она?

— Я вам не говорю, кто что сделал. Оставьте меня в покое. Все было не так.

— Откуда вы знаете? Я думал, вы были вдрызг пьяны.

— Насколько я помню, все было не так.

— Вы хотите сказать, что все сделала она?

— Черт возьми, я не говорю ничего подобного. Что думаю, то и говорю, и никак иначе.

— Послушайте, Чемберс. В машине были трое: вы, она и грек. Грек этого не делал, это понятно. Но если это сделали и не вы, остается только она, вам не кажется?

— Но кто, черт побери, утверждает, что кто-то что-то сделал?

— Я. Наконец мы к чему-то пришли, Чемберс. Потому что, возможно, вы тут и ни при чем. Вы утверждаете это и, может быть, не лжете. Но если

вы говорите правду и эта женщина для вас была не больше чем жена вашего приятеля, вы не можете все это так оставить, а? Вы должны подать на нее в суд.

– Как вы себе это представляете?

– Если она убила грека, то хотела убить и вас, не так ли? Нельзя позволить, чтобы ей все сошло с рук. Кое-кто может прийти к заключению, что дело нечисто, раз вы уходите в сторону. Ну конечно, дураком надо быть, чтобы позволить ей так отделаться. Убрала мужа из-за страховки, хотела убрать и вас. С этим нужно что-то делать, не так ли? Я рассчитываю на вас.

– Возможно, будь оно так. Но я не знаю, как все было.

– Если я вам это докажу, то вы подпишете на нее заявление в суд?

– Разумеется. Если вы это докажете.

– Докажу. Когда машина остановилась, вы, случайно, не выходили из машины?

– Нет.

– Ну да? Я думал, что вы были вдрызг пьяны и ничего не помните. А вы уже второй раз что-то вспоминаете. Вы меня удивляете.

– Насколько я помню, не выходил.

– Нет, выходили. Послушайте, что рассказал один свидетель: «Машину я особо не рассмотрел, знаю только, что за рулем сидела женщина, внутри – какой-то мужчина, и смеялся, когда мы ехали мимо, а второй мужчина стоял сзади и его рвало». Так что вы были снаружи и вас рвало. Тогда она и огрела Пападакиса той бутылкой. А вернувшись в машину, вы ничего не заметили, потому что были пьяны, а Пападакис валялся, упившись до потери сознания, и нечего было замечать. Вы сели назад и отключились, а она тут же перешла на вторую скорость, прибавила газу и, выскользнув на подножку, пустила машину в пропасть.

– У вас нет никаких доказательств.

– Нет, есть. Свидетель Райт утверждает, что, когда он выехал из-за поворота, машина уже быстро катилась с обрыва, но женщина стояла наверху, на дороге, и звала на помощь.

– Наверно, успела выскочить.

– Если выскочила, то немного странно, что взяла с собой сумочку, вам не кажется? Чемберс, может женщина вести машину с сумочкой в руке? А если выскакивает, есть у нее время ее забрать? Чемберс, это невозможно. Нельзя выскочить из машины, которая летит с обрыва. Ее не было в машине, когда та перевернулась! Это убийственное доказательство!

– Я не знаю.

– Как это, вы не знаете? Подпишите заявление в суд или нет?

– Нет.

– Послушайте, Чемберс, это не случайность, что машина полетела вниз слишком рано. Она просто не желала оставлять свидетелей.

– Оставьте меня в покое. Я не знаю, о чем вы говорите.

– Решается вопрос, кто кого, вы ее или она вас. Если вы здесь ни при чем, то должны подписать, потому что если вы этого не сделаете, то я буду точно знать, как все было. И присяжные тоже. И судьи. И парень под виселицей.

Он еще раз посмотрел на меня, потом вышел и вернулся с каким-то человеком. Тот сел и заполнил форму. Саккет передал его мне.

– Здесь, Чемберс.

Я подписал. Руки у меня так вспотели, что этому сморчку пришлось осушить бумагу промокашкой.

Глава 10

Когда он ушел, полицейский вернулся и проворчал, что мы могли бы сыграть в «очко». Мы сыграли пару раз, но я никак не мог сосредоточиться. Пришлось придумать, что мне действует на нервы игра одной рукой, и бросить это дело.

– Я вижу, он вас достал, а?

– Есть немного.

– Крутой тип. Достанет кого угодно. Выглядит как проповедник любви ко всему человечеству, но сердце у него из камня.

– Из камня, это точно.

– С ним в этом городе может справиться только один человек.

– Кто?

– Некто Кац. Слышали о нем?

– Разумеется, слышал.

– Он мой приятель.

– У вас хорошие друзья.

– Слушайте, вам еще не положен адвокат, так как еще не предъявлено обвинение, и вы не можете за ним послать. Вас могут держать сорок восемь часов в предварительном заключении, таков закон. Но если сюда вдруг зайдет Кац, я его пошлю к вам, да? Он может зайти, если я с ним поговорю.

– Хотите сказать, что вы с ним в доле.

– Я хочу сказать, что мы с ним друзья. Почему бы другу и не поделиться со мной, если он настоящий друг? Он отличный парень. Единственный, кто в этом городе может положить Саккета на лопатки.

– Давай, друг. И чем раньше, тем лучше.

– Я сейчас вернусь.

Он вышел на минутку и, вернувшись, подмигнул мне. И вот через полчаса кто-то постучал, и вошел Кац.

Это был маленький человек лет сорока с лицом словно из старой кожи и черными усиками, и первое, что он сделал, – достал пачку табаку «Бул Дэрхем» и коричневую бумажку и свернул себе сигарету. Когда он прикуривал, она сгорела сразу до половины, но он ее больше как будто и не замечал. Она просто свисала из уголка его рта, и тлела она или погасла, и дремал он или бдил, я понять не смог.

Так он и сидел – глаза полузакрыты, одна нога заложена за ножку

стула, шляпа сбита на затылок. Возможно, вы скажете, что для парня в моем положении это грустное зрелище, но это не совсем так. Может, он и спал, но все равно было похоже, что знает он намного больше, чем остальные люди в бодром состоянии, а у меня в горле просто комок стоял. Мне казалось, что мои качели уже достигли нижней точки и сейчас понесут меня вверх.

Полицейский наблюдал, как он сворачивает сигарету, с таким видом, как будто тот был акробатом и готовился сделать тройное сальто. Полицейскому не хотелось уходить, но пришлось. Едва он вышел, Кац кивнул, чтобы я начинал. Я сказал ему, что мы попали в катастрофу, и что Саккет хочет пришить нам убийство грека ради страховки, и что он заставил меня подписать заявление в суд, будто она хотела убить и меня. Он выслушал все и, когда я кончил, еще немного посидел молча. Потом встал.

– Да, здорово он вас расколол.

– Мне не надо было ничего подписывать. Не верю, что она способна на такое свинство. Но он перехитрил меня. А теперь я даже не знаю, какого черта мне делать.

– И все равно не надо было подписывать.

– Мистер Кац, вы сделаете для меня кое-что? Можете зайти к ней и сказать, что...

– Я зайду к ней. И скажу ей все, что нужно. Все остальное – моя забота. Ясно?

– Да, сэр, ясно.

– Я буду с вами перед Большим жюри. Или пришлю того, кого сам выберу. Поскольку Саккет сделал вас истцом, я не смогу защищать вас обоих, но буду контролировать ситуацию. И еще одно, что бы я ни делал, это моя забота.

– Делайте все, что нужно, господин Кац.

– Еще увидимся.

Вечером меня снова положили на носилки и отвезли в суд. В полицейский суд, не в обычный. Там не было ни скамьи присяжных, ни места для свидетелей, ничего такого. Судья сидел на возвышении, за ним стояли несколько полицейских, а перед ними – длинный стол во всю комнату, и когда кто-то хотел выступить, он подходил к столу, задирал голову и говорил.

Людей там было как сельдей в бочке, и фотографии сверкали вспышками, когда меня вносили внутрь, и уже по этой суете было видно, что готовится громкое дело. С носилок я мог разглядеть немного, но

мельком увидел Кору, сидевшую на скамейке рядом с Кацем, и Саккета, который в стороне беседовал с командой элегантных молодых людей с плоскими чемоданчиками, и еще нескольких полицейских и свидетелей. Меня на носилках поместили перед столом судьи на два стула, сдвинутых вместе, поправили одеяло, и, когда суд закончил с делом китайки, один из полицейских начал наводить тишину. Пока он стучал своей дубинкой, ко мне наклонился молодой человек и сказал, что его зовут Уайт и что Кац поручил ему представлять мои интересы. Я кивнул, но он продолжал твердить, что его послал мистер Кац; а полицейский возмутился и начал так колотить по столу, что чуть не проломил его.

– Кора Пападакис.

Она встала, и Кац проводил ее к столу. Она едва не коснулась меня, когда шла рядом, и мне показалось чудом, когда в этом бедламе я вдруг почувствовал ее запах, тот запах, который меня всегда так возбуждал. Выглядела она лучше, чем вчера. В другой блузке, костюм вычищен и выглажен, туфли начищены; вокруг глаза все почернело, но опухоль уже спала.

Все встали вместе с ней, полицейский приказал ей поднять правую руку и начал бормотать что-то о правде, только правде и ни о чем другом, кроме правды. Посреди фразы он вдруг остановился, чтобы взглянуть вниз, поднял ли я правую руку. Я не сделал этого. Тогда он заставил меня тоже поднять ее и забубнил все сначала. Все мы повторяли за ним.

Судья снял очки и сказал Коре, что она обвиняется в убийстве Ника Пападакиса и в покушении на убийство Фрэнка Чемберса, что она может сделать заявление, если захочет, но все ее слова могут быть использованы против нее, что она имеет право пригласить адвоката, что у нее восемь дней на подготовку защиты и что суд выслушает доводы ее защиты в любое время в пределах этого срока. Говорил он долго, и в зале уже начали покашливать.

Потом выступал Саккет. Для начала он рассказал, что собирается доказать. Это было примерно то же, о чем он говорил мне утром, но теперь все звучало более убедительно. Закончив свою речь, он начал вызывать свидетелей. Первым был доктор со «скорой», который сказал, когда и где умер грек. Потом появился тюремный доктор, который делал вскрытие, и потом – секретарь коронера, подтвердивший подлинность представленного протокола, который он передал судье, а затем – еще несколько человек, но что они говорили, я уже забыл. Когда все выговорились, их болтовня только доказала, что грек мертв, а поскольку я знал все это и без них, то не слишком волновался. Кац никого из них ни о чем не спрашивал. Каждый

раз, когда судья смотрел в его сторону, он махал рукой, и свидетель уходил.

Когда все насытились доказательствами, что грека нет в живых, Саккет наконец набрал форму и выложил несколько козырей, которые того стоили. Вызвал пижона, который заявил, что представляет «Объединенную страховую компанию» штатов тихоокеанского побережья и что грек оформил страховку всего пять дней назад. Он объяснил, что по условиям страхового полиса грек получал бы двадцать пять долларов в неделю на протяжении пятидесяти двух недель, если бы заболел, и те же самые деньги, если бы произошел несчастный случай с утратой работоспособности, что получил бы пять тысяч долларов, потеряй он ногу, десять тысяч долларов – обе ноги, а его вдова – десять тысяч в случае его гибели и двадцать тысяч – если бы трагедия произошла в поезде. Когда он дошел до этого момента, показания стали похожи на уговоры клиента, и судья поднял руку:

– Спасибо, я уже застрахован.

Все рассмеялись этой шутке. Я тоже. Вы не поверите, как смешно это прозвучало.

Саккет задал пижону несколько вопросов, и судья повернулся к Кацу. Кац ненадолго задумался, а когда заговорил, то очень медленно, как будто хотел быть уверен, что свидетель поймет каждое его слово:

– Вы выступаете в этом процессе заинтересованной стороной?

– В своем роде да, мистер Кац.

– Вы хотели бы избежать выплаты страхового вознаграждения по той причине, что было совершено убийство, не так ли?

– Совершенно верно.

– Вы действительно верите, что совершено преступление, что эта женщина убила своего мужа, чтобы получить страховку, и что она попыталась убить этого человека или умышленно подвергла его жизнь опасности, которая могла повлечь его смерть, и все это входило в план получения вышеупомянутого вознаграждения?

Пижон смутился и на миг задумался, а когда заговорил, то старательно взвешивал каждое слово:

– В ответ на ваш вопрос, мистер Кац, я хотел бы сказать, что я занимаюсь тысячами подобных случаев, случаев мошенничества со страховками, которые ежедневно ложатся на мой стол, и думаю, что обладаю исключительным опытом в такого рода расследованиях. Могу сказать, что за все время своей работы в этой и иных страховых компаниях я не видел случая более очевидного. Я не только верю, что здесь имело место преступление, мистер Кац, я это практически знаю.

– Спасибо. Это все. Ваша Честь, я заявляю, что моя подзащитная виновна по обоим пунктам обвинения.

Если бы в судебном зале взорвалась бомба, то большего оживления она бы не произвела. Репортеры рвались наружу, а фотографы ломались к столу, чтобы сделать снимки. Они топтали друг друга, и судья разъярился и начал стучать по столу, чтобы навести порядок. Саккет застыл, словно громом пораженный, а во всем помещении стоял такой гул, будто к уху приложили морскую раковину. Я все еще старался заглянуть Коре в лицо. Но единственное, что я увидел, был уголок ее рта. Он дергался, как будто ее каждую секунду кто-то тыкал иголкой.

* * *

Следующее, что я помню, – это то, что санитары поднимают мои носилки и несут меня за молодым Уайтом из зала суда. Они протиснулись со мной по двум коридорам в комнату, где стояли трое или четверо полицейских. Уайт что-то сказал о Каце, и полицейские удалились. Меня уложили на стол, и парни ушли. Уайт начал расхаживать вокруг стола, но тут открылась дверь и вошла тюремная надзирательница с Корой. Уайт и надзирательница тоже вышли, двери закрыли, и мы остались одни.

Я задумался, что бы сказать, но ничего не придумал. Она расхаживала взад-вперед, не глядя на меня. Уголок рта у нее все еще подергивался. Я продолжал размышлять и вдруг кое-что сообразил:

– Нас предали, Кора.

Она не ответила и продолжала расхаживать туда-сюда.

– Этот Кац – обычная полицейская сволочь. Мне его привел один полицейский. Я думал, что он то, что надо. А он предал нас.

– Куда там, нас он не предал.

– Предал. Я должен был понять, что он за тип, по тому, как мне навязал его тот полицейский. А я не понял. Думал, он порядочный парень.

– Если здесь кого и предали, так это меня.

– Меня тоже. Он меня надул.

– Теперь я все понимаю. Понимаю, почему за рулем должна была сидеть я. Понимаю, почему и на этот раз все должна была сделать я, а не ты. Ну вот. Я втрескалась в тебя, потому что ты такой ловкий. А теперь выяснила, что ты и вправду ловкий. Разве это не чудесно? Влюбиться в парня, потому что он в чем-то хорош, и убедиться, что в этом деле он и вправду хорош.

– Что ты мелешь, Кора?

– Если здесь кого и предали, то это меня. И предали меня и твой адвокат, и ты. Ты прекрасно все придумал. Устроил так, чтобы все подумали, будто я хотела убить и тебя, и чтобы никто не мог сказать, что ты во все замешан. И теперь выставляешь меня перед судом как единственную виновницу. А ты ни при чем. Ну хорошо. Пусть я оказалась дурой. Но не до такой степени. Послушайте, мистер Фрэнк Чемберс, когда я покончу с вами, вы увидите, куда завела вас ваша хитрость. И хитрец иногда сам себя перехитрить может.

Я хотел ее разубедить, но все напрасно. Она взбеленилась так, что даже губы под помадой побелели, и тут двери открылись и вошел Кац. Я попытался вскочить с носилок, но не мог даже шевельнуться. Меня к ним прикрепили надежно.

– Лучше убирайтесь, чертов предатель. Ну вы и наделали дел. Теперь уже ничего не поделаешь, но я хоть знаю, что вы за тип. Слышите? Убирайтесь!

– Почему, что случилось, Чемберс?

Вы бы сказали, что он – учитель воскресной школы, который успокаивает ребенка, жалующегося, что у него, забрали жвачку.

– Что все-таки произошло? Я по-прежнему контролирую ситуацию, как и обещал.

– Вижу. Береги вас Бог, если вы когда-нибудь попадетесь мне в руки.

Он взглянул на Кору, как будто ничего не понимая, а прося ее объяснить. Та подошла к нему.

– Этот мерзавец... Этот мерзавец и вы сговорились все повесить на меня, а его вытащить. Но полегче, он замешан так же, как и я, и никуда не денется. Я все скажу. Все скажу, и немедленно.

Он смотрел на нее и качал головой, и скажу я вам, такой циничной улыбки я еще ни у одного человека не видел.

– Подождите, дорогая, я бы вам этого не советовал. Если дадите мне управлять ситуацией и впредь...

– Вы уже науправлялись. Теперь я возьму все в свои руки.

Он встал, пожал плечами и вышел. Тут же к нам вломился какой-то тип с большими ногами и красной шеей. Он принес с собой портативную пишущую машинку, которую поставил на стул, подложив несколько книг, сел за нее и поднял глаза.

– Мистер Кац сказал, что вы хотите сделать заявление.

Говорил он тонким, писклявым голосом и все время чуть усмехался.

– Правильно. Полное признание.

И она начала говорить, сбивчиво, комкая слова, а он застучал на машинке. Она рассказала все. С самого начала. Как познакомилась со мной, как мы все вместе затеяли, как мы уже пытались отделаться от грека и как нам это не удалось. Несколько раз в дверь просовывал голову полицейский, но парень за машинкой только поднимал руку:

– Еще несколько минут, сержант.

– Ладно.

Закончив, она сказала, что о страховке ничего не знала и мы все сделали не ради нее, а просто хотели избавиться от грека.

– Это все.

Парень собрал бумаги, и она их подписала.

– Не могли бы вы завизировать каждую страницу?

Она завизировала. Потом он достал нотариальную печать, проштемпелевал и подписал. Засунув все бумаги в карман, он взял пишущую машинку и ушел.

Кора подошла к дверям и вызвала надзирательницу:

– Я готова.

Надзирательница увела ее. Затем пришли парни, взяли носилки и вынесли меня. Начали они резво, но застряли в толпе, глядевшей на Кору, как она стоит у лифта и ждет, когда ее отвезут наверх, в тюрьму, находящуюся на самом последнем этаже Дворца юстиции. Пока мы продирались сквозь толпу, с меня слетело одеяло и тащилось по полу. Она подняла его и накрыла меня, потом быстро отвернулась.

Глава 11

Меня отвезли обратно в больницу, но вместо полицейского за мной теперь приглядывал тот парень, что записывал признание. Он растянулся на соседней постели. Я пытался уснуть, и на некоторое время мне это удалось. Мне приснилось, что на меня смотрит Кора, а я пытаюсь что-то ей сказать, но не могу. Потом она исчезла, и я проснулся, а в ушах у меня все еще звучал тот глухой треск, жуткий хруст черепа грека, когда я его ударил. Потом я снова уснул и мне снилось, что я падаю. И я опять проснулся весь мокрый от страха, а в ушах опять звучал тот ужасный треск. Проснувшись, я понял, что кричу. Сосед приподнялся на локтях:

– Эй, что случилось?

– Ничего. Просто приснилось.

– Ну ладно.

Он не оставлял меня одного ни на минуту. Утром он принес кувшин с водой, вынул из кармана бритву и побрился. Потом умылся. Принесли завтрак, и он сел с ним за стол. Мы оба молчали.

Потом мне принесли газеты, и в них было все, с большим снимком Кору на первой странице и моим поменьше, на носилках, и под ним. Ее называли «убийцей с винной бутылкой». Писали, что на предварительном слушании она признала свою вину и что сегодня предстанет перед судом. На одной из внутренних страниц писали, что этот случай наверняка побьет рекорд по скорости рассмотрения, а чуть дальше на той же странице некий автор рассуждал, что, если бы все преступления раскрывались так быстро, для профилактики преступлений это дало бы больше, чем сто новых законов, вместе взятых. Я просмотрел всю газету, нет ли там чего-нибудь о ее признании. Ничего не было.

Около двенадцати пришел молодой доктор и начал растирать, мне спину спиртом, чтобы снять с нее пластырь. Он должен был его отмочить, но по большей части просто отрывал, и было безумно больно. Когда он снял часть пластыря, я выяснил, что могу двигаться. Остальные он трогать не стал. Сестра принесла мои вещи. Я оделся. Вошли санитары и помогли мне добраться до лифта, а затем вывели меня на улицу. Снаружи ждал автомобиль с шофером. Тот парень, что был со мной всю ночь, усадил меня внутрь, и мы проехали два квартала. Потом он помог мне выйти, и мы вошли в какое-то здание и поднялись вверх в контору. Там с распростертыми объятиями и улыбкой до ушей нас встретил Кац:

– Все уже закончилось.
– Чудно. Когда ее повесят?
– Ее не повесят. Она свободна. Свободна как птица. С минуты на минуту, как только выполнит некоторые формальности в суде, она будет здесь. Проходите. Я вам все расскажу.

Он провел меня в отдельный кабинет и закрыл дверь. Только свернув сигарету, дав ей сгореть до половины и прилепив к губам, он начал рассказывать. Я его просто не узнавал. Казалось просто невозможным, чтобы человек, который вчера выглядел как спящая красавица, был так возбужден, как он.

– Чемберс, это величайшее дело в моей жизни. Я разрешил его меньше чем за двадцать четыре часа, и скажу вам честно, что такой конфетки у меня еще не было. Запомните это, мой мальчик. Бой Демпси против Фирпо длился меньше двух раундов, да? Но дело не в том, сколько длится бой, а в том, как вы ведете себя на ринге. Правда, это не было похоже на бокс. Скорее партия в карты для четырех игроков, каждый из которых получил идеальную карту. Побейте его карту, если есть чем. Думаете, профессионал может играть и с плохой картой? Точная мысль. Плохая карта мне достается изо дня в день. Но дайте мне такую карту, как сейчас, когда у всех были козыри, с которыми можно выиграть, если вы умеете играть, и тогда вы увидите! Да, Чемберс, тут вы дали мне такую возможность, поручив это дело. Ничего подобного у меня уже не будет.

– Но вы мне еще ничего не рассказали.
– Расскажу, расскажу, не волнуйтесь. Вы ведь все равно ничего не поймете, пока не будете знать, как я играл, пока я не выложу перед вами все карты. Итак, начнем.

Вначале были вы и эта женщина. У вас обоих на руках была идеальная карта. Потому что это было идеальное убийство, Чемберс. Вы, возможно, даже не представляете, насколько идеальное. Вся эта ерунда, которой вас пытался испугать Саккет, – что ее не было в машине, когда та перевернулась, что она успела захватить сумочку и так далее, – все это не стоило и ломаного гроша. Машина ведь может некоторое время качаться, прежде чем перевернется, не так ли? И женщина может инстинктивно схватить сумочку, прежде чем выскочить, правда? Это еще не доказывает преступления. Это только доказывает, что она женщина.

– Как вы все это узнали?
– От Саккета. Вчера я с ним ужинал, и он расхвастался. Мне было его жаль. Саккет и я – враги. Мы самые дружелюбнейшие враги на всем белом свете. Он бы продал душу дьяволу, чтобы утереть мне нос, и я сделал бы то

же самое. Наконец мы заключили пари. Пари на сто долларов. Он смеялся надо мной, потому что видел простейший случай, когда ему достаточно было выложить свои карты и предоставить палачу делать свое дело.

Ничего себе шуточки, два типа ставят сто долларов на то, что сделает палач со мной и Корой, но я хотел разобраться, раз и навсегда.

– Если у нас была идеальная карта, то какая же была у него?

– К этому я и подхожу. У вас была идеальная карта, но Саккет знал, что мужчина и женщина никогда не сумеют разыграть ее, если прокурор правильно разыграет свою. Он знал, что ему достаточно настроить вас против друг друга, и дело сделано. Это во-первых. И вообще, ему не надо было заниматься этим делом. Страховая компания все сделала за него, так что ему не пришлось и пальцем пошевелить. Это Саккету страшно нравилось. Ничего не делать, только сдавать карты, и банк сам упадет ему в руки. Что же он делает? Хватается за то, что раскопала страховая компания, до смерти запугивает вас и заставляет подать в суд на эту женщину. Забирает у вас вашу лучшую карту, то есть то, что вы сами были тяжело ранены, и заставляет вас побить его собственный туз. Если вы были так тяжело ранены, значит, произошел несчастный случай, но Саккет использует это для того, чтобы заставить вас подписать обвинение. И вы его подписываете, потому что боитесь, что если не подпишете, то Саккет будет уверен, будто все сделали вы.

– Просто я сдрейфил, и все.

– В случае убийства в этом нет ничего необычного, и никто не умеет учесть это лучше, чем Саккет. Ладно. Он добился от вас чего хотел. Нужно было заставить вас дать показания на нее, и он знал, что, как только вы это сделаете, никакая сила не помешает ей заложить вас. Так обстояли дела, когда мы с ним ужинали. Он хвастался. Жалел меня. Держал пари на сто долларов. А я там сижу весь вечер с картой, которой могу побить все его козыри, если не допущу ошибки. Прошу вас, Чемберс. Загляните мне в карты. Что вы там видите?

– Да немного.

– Что все-таки?

– Ничего, если по правде.

– Саккет тоже ничего не видел. Но теперь будьте внимательны. Покинув вас вчера, я зашел к ней и получил доверенность на вскрытие сейфа Пападакиса. И я нашел там то, что искал. Там оказались и другие страховки, и, когда я навел агента, который их оформлял, выяснилось следующее: страховка от несчастного случая не имела ничего общего с несчастием, постигшим Пападакиса несколько недель назад. Агента

привела к нему пометка в календаре, что у Пападакиса истекает срок страховки на автомобиль. Вот почему он его навестил. Женщины там не было. Страховку на машину, то есть против пожара, угона, аварии и судебного преследования, они оформили в два счета. Потом страховщик объяснил Пападакису, что он застрахован от всего, кроме ущерба самому себе, и предложил ему персональную страховку от несчастного случая. Пападакис сразу заинтересовался. Возможно, повлиял тот несчастный случай, но как бы там ни было, страховщик о нем не знал. Грек подписал все бумаги и дал страховщику чек, и на следующий день ему послали по почте страховой полис. Чтобы вы поняли, один агент обычно работает на несколько компаний, и все эти страховки были заключены не с одной фирмой. Это первое, о чем забыл Саккет. Но главное, не забывайте, что у Пападакиса была не только новая страховка. Была еще и старая, и та была действительна еще целую неделю. Ладно, а теперь взгляните на эту комбинацию. Страховка «Объединенной страховой» составляет десять тысяч долларов личного страхования. Новая страховка – «Калифорнийской премиальной» – дает десять тысяч долларов вознаграждения за автомобиль, и страховка «Грозы Скалистых гор» – десять тысяч долларов по старому полису. Вот вам моя первая карта. У Саккета была одна страховая компания, которая могла идти до уровня десять тысяч долларов. У меня – две компании, которые готовы были поддерживать меня до уровня двадцать тысяч долларов, стоило мне только свистнуть. Вам это ясно?

– Нет.

– Тогда смотрите. Саккет побил ваш главный козырь; не так ли? Ну а я побил его козырь. Вы ведь были ранены. Тяжело ранены. Саккет доказал бы ее вину в убийстве, а вы привлекли бы ее к суду за повреждения, полученные в результате этого убийства, присяжные присудили бы вам все, что угодно. И те две другие страховые компании ответили бы своими страховками за каждый цент, который достался бы вам по приговору суда.

– Теперь я понимаю.

– Я рад, Чемберс, действительно рад. Я нашел эту карту в своей сдаче, но вы этого не поняли, и Саккет этого не понял, и в «Объединенной страховой» этого не поняли, потому что были так увлечены игрой за Саккета и так уверены в его победе, что больше ни о чем не думали.

Он несколько раз обошел комнату и каждый раз, проходя мимо зеркала, висевшего в углу, довольно рассматривал себя, а потом продолжал:

– Ладно, такая карта у меня была, но теперь дело было в том, как сыграть. Нужно было сделать это поскорее, потому что Саккет уже вытащил свою, и Кора могла сознаться в любой момент. Она могла сделать

это уже на предварительном слушании, как только услышит, что вы подаете на нее в суд. Нужно было действовать быстро. И что я сделал? Дождался показаний представителя «Объединенной страховой» и заставил его публично заявить, что он уверен в наличии преступления, на случай, если бы позднее понадобилось привлечь его за неоправданное оскорбление достоинства. А потом – и это была вершина – провозгласил ее виновной. Тем самым предварительное слушание было окончено, и Саккет на этот вечер выведен из игры. Потом я отправил ее в соседнюю комнату, договорился о задержке ее возвращения в тюрьму на полчаса и послал к ней вас. Пяти минут с вами ей было достаточно. Когда я вошел, она была готова на все. И вот тогда я прислал Кеннеди.

– Того сыщика, который был со мной ночью?

– Он был сыщиком, но давно бросил. Теперь работает на меня. Она думала, что рассказывает все сыщику, но это был мой человек. Свою роль это сыграло. Облегчив душу, она стала вести себя тихо, и этого оказалось вполне достаточно. Но оставались еще и вы. Вы бы наверняка смылись. Вас ни в чем не обвиняли, так что вы были не под арестом, хотя думали, что да. Я знал, что если вы это поймете, то вас не удержат ни пластыри, ни больная спина, ни больничный сторож, никто и ничто, так что я послал Кеннеди приглядеть за вами. Следующий шаг – полуночная конференция «Объединенной страховой», «Калифорнийской премиальной» и «Грозы Скалистых гор». И когда я все им выложил, мы чертовски быстро пришли к соглашению.

– Как это, к какому соглашению?

– Прежде всего, я процитировал им закон. Прочел дополнение о пассажирах, параграф 141 3/4 калифорнийского закона о транспортных средствах. Там установлено, что, если произойдет ранение пассажира, едущего вместе с владельцем, это не влияет на размер страхового вознаграждения, если только к его ранению не приводит опьянение или умышленно неправильные действия со стороны водителя. В этом случае пострадавший может требовать возмещения. Понимаете, вы были пассажиром, а ее я признал виновной в убийстве и покушении на убийство. То есть умышленно неправильных действий более чем достаточно. И никаких других вариантов. Она вполне могла все сделать сама. Так что обе страховые компании, в которых мистер Пападакис был застрахован на законном основании и которые понесли бы приличные убытки, согласились скинуться по пять тысяч долларов, а «Объединенная страховая» обязалась оплатить сполна и держать язык за зубами, так что вся эта комедия не заняла и часа.

Он помолчал, продолжая улыбаться.

– Что было дальше?

– У меня все это еще стоит перед глазами. Я все еще вижу физиономию Саккета, когда представитель «Объединенной страховой» сегодня объявил в суде, что результаты расследования убедили его – никакого преступления не было и его компания выплатит страховку в полном размере. Чемберс, вы можете себе такое представить? Заставить парня раскрыться, а потом врезать ему в челюсть? С этим ощущением ничто на свете не сравнится.

– Одного я все еще не понимаю. Почему этот тип снова давал показания?

– Она предстала перед судом для вынесения приговора. Суд обычно хочет после признания вины выслушать дополнительные показания, чтобы понять причины преступления. Еще до того, как вынести приговор. А Саккет потребовал крови. Ну, наш Саккет очень кровожадный парень. Это одна из причин, почему я с ним все время воюю. Он в самом деле верит, что творит бог вещь какое добро, когда призывает повесить каждого несчастного. Играть против Саккета – значит играть на вас. Он снова вызвал на скамью свидетелей того страховщика. Но на этот раз это уже не был его человек, после ночного совещания это был мой человек, только Саккет об этом не знал. Как он рвал и метал, когда понял это. Однако было уже поздно. Если даже страховая компания не верила в ее вину, то как в нее могли поверить присяжные? Шанс на ее осуждение в этом случае был меньше нуля. А потом я заставил Саккета все это проглотить. Я встал и произнес речь, обращаясь к суду. Очень осторожную, с оглядкой. Сказал им, что моя клиентка с самого начала утверждала, что невиновна. Сказал, что я сам ей не верил. Сказал, что все доказательства против нее я считал неопровержимыми, вполне достаточными для того, чтобы она была осуждена любым судом, и что я сам был уверен, что поступаю в ее интересах, когда решился признать ее виновной и сдать на милость правосудия. Но... Можете себе представить, Чемберс, как я обсасывал это «но»? Но в свете только что выслушанных свидетельских показаний мне не остается ничего другого, как отозвать признание вины и оставить все на усмотрение суда. Саккет не пискнул, потому что я действовал в пределах восьми дней, отведенных на защиту. Я знал, что он в ловушке. Согласившись с обвинением в неумышленном убийстве, суд сам выслушал остальных свидетелей, дал ей шесть месяцев условно, а практически извинился и за это. Обвинение в покушении на убийство мы аннулировали. Это было ключом ко всей истории, и мы об этом чуть не забыли.

Раздался стук в дверь. Кеннеди ввел Кору, положил перед Кацем какие-то бумаги и исчез.

– Так, вот оно, Чемберс. Подпишите, пожалуйста. Этим вы отказываетесь от возмещения за понесенные вами увечья. Считайте это проявлением благодарности за их любезность.

Я подписал.

– Тебя отвезти домой, Кора?

– Пожалуй, да.

– Минуточку, минуточку. Не так быстро. Остается еще одна мелочь. Те десять тысяч долларов, которые вы получили, устранив грека.

Она взглянула на меня, я – на нее. Он же разглядывал чек:

– Знаете, это была бы не идеальная карта, если бы с нее Кацу ничего не перепало. Я забыл вам сказать. Но я не буду свиньей. Обычно я беру все, но в этом случае удовлетворюсь половиной. Миссис Пападакис, выпишите мне чек на пять тысяч долларов, а этот я переведу на вас, зайду в банк и оба их депонирую. Давайте. Здесь как раз есть пустой чек.

Она села и начала писать, но тут же запнулась, как будто не понимая, о чем, собственно, речь. Он вдруг встал, забрал незаполненный чек и разорвал его:

– Черт возьми. Такое бывает раз в жизни. Бросьте все. Не нужны мне ваши десять тысяч. У меня есть свои. Вот что главное!

Он открыл бумажник, достал из него листок бумаги и показал мне. Это был чек Саккета на сто долларов.

– Вы думаете, я его предъявлю к оплате? Ни в коем случае. Я его в рамку вставлю. И повешу вон там, над письменным столом.

Глава 12

Мы кое-как убрались оттуда и взяли такси, потому что я еле ковылял. Сначала мы заехали в банк и депонировали чек, потом – в цветочный магазин, где купили два больших букета, а потом – на похороны грека. Было странно, что его хоронили уже на второй день. Панихида проходила в маленькой греческой церкви, было полно людей, некоторые из них греки, которые иногда заходили к нему. Они тупо смотрели на нее, когда мы вошли, и усадили ее аж в третий ряд. Я видел, как на нас косятся, и начал прикидывать, что буду делать, если с нами решат посчитаться. Это были его друзья, не наши. Но через минуту я увидел, как передают друг другу вечернюю газету, большой заголовок в которой возвещал, что она невиновна, и, увидев это, распорядитель прибежал и пересадил нас в первый ряд. Человек, произносивший прощальное слово, начал с бестактных намеков на смерть грека, но к нему подошел какой-то юноша, что-то прошептал и показал газету, которая дошла до него, и оратор начал речь заново, на этот раз без намеков, и еще добавил несколько слов о безутешной вдове и друзьях. Все согласно кивали головами. Когда мы двинулись на кладбище, где была приготовлена могила, двое мужчин взяли ее под руки и повели, поддерживая, а еще двое – помогали мне. Когда его опускали в могилу, я растрогался. Слова молитвы всегда размягчают людей, особенно если речь идет о прощании с человеком, которого любишь так, как я любил грека. Наконец они запели мелодию, которую я слышал в его исполнении сотни раз, и это меня добило. Хватило меня только на то, чтобы положить наши цветы.

* * *

Таксист нашел нам человека, который сдал нам «форд» за пятнадцать долларов в неделю, и мы пересели в него.

Машину вела она. За городом мы проехали мимо строящегося дома и всю дорогу говорили о том, как в последнее время мало строят, но как только дела улучшатся, нужно бы построить здесь целый квартал. Когда мы приехали домой, она помогла мне войти, отогнала машину, и мы прошли внутрь. Все было так, как мы оставили, включая стаканы в раковине, из которых мы с греком пили вино, и его гитара, которую он не убрал, потому

что был пьян.

Она убрала гитару в футляр, вымыла стаканы и пошла наверх. Я тут же пошел за ней.

* * *

Она сидела у окна в своей спальне и смотрела на дорогу.

– Ну и что?

Она не ответила. Я повернул назад.

– Я не сказала, чтобы ты уходил.

Я сел снова. Прошло немало времени, прежде чем она нарушила молчание:

– Ты меня предал, Фрэнк.

– Нет, не предал. Я был у него в руках, Кора, и вынужден был подписать эту бумагу. Не сделай я этого, он бы понял, как все произошло. Я не предал тебя. Просто я встал на его сторону, чтобы выяснить, как идут дела.

– Ты меня предал. Я узнала это по твоим глазам.

– Твоя правда, Кора, я тебя предал. Просто я сломался, и все. Я этого не хотел. Я был против. Но он поставил меня на колени. Я сдался.

– Я знаю.

– Понимаешь, я ужасно страдаю от этого.

– А я предала тебя, Фрэнк.

– Тебя заставили. Ты этого не хотела. Тебя поймали в ловушку.

– Я сама так хотела. В ту минуту я тебя ненавидела.

– Все нормально. Ты отплатила мне за то, чего я в действительности не делал. Теперь ты знаешь, как все было.

– Нет. Я ненавидела тебя за то, что ты действительно сделал.

– Я к тебе ненависти не чувствовал, Кора. Я ненавидел сам себя.

– Теперь у меня нет к тебе ненависти. Ненавижу Саккета. И Каца. Почему нас не оставили в покое? Почему нас не оставили, чтобы мы из этого выкарабкивались сами? Мне бы это не помешало. Не помешало, даже если бы значило... сам знаешь что. У нас осталась бы наша любовь. Единственное, что у нас было. Но ты меня предал, едва они начали свои грязные дела.

– А ты предала меня, не забывай.

– Это ужасно. Я предала тебя. Мы предали друг друга.

– Но теперь мы квиты, ты не думаешь?

– Мы квиты, но посмотри теперь на нас. Мы достигли вершины. Мы были так высоко, Фрэнк. У нас было все, в ту ночь, там. Я и не думала, что способна на такое чувство. И мы скрепили это поцелуем, чтобы это длилось вечно, пусть будет что будет. Никогда на свете два человека не испытывали того, что мы. А потом мы рухнули вниз. Вначале ты, потом я. Да, мы квиты. Теперь мы здесь, внизу, вместе. Но нам уже не подняться. Наша великолепная вершина исчезла.

– Ты с ума сошла? Мы же вместе.

– Возможно. Но я много передумала, Фрэнк. Вчера ночью. О тебе и обо мне, и о том, почему я провалилась в кино, и об этом заведении, и о твоих скитаниях, и почему ты их так любишь. Мы просто два неудачника, Фрэнк. В ту ночь Господь Бог ниспослал на нас благодать. Дал нам все, что только двое могут достигнуть в жизни. Но мы не из тех, кому это может пойти на пользу. Нам досталась вся любовь мира, но мы сломались под ней. Чтобы взлететь за облака, добраться до вершины, нужен большой самолетный мотор. Но поставь его на «форд», и он рассыплется на мелкие кусочки. Вот так же и мы, Фрэнк, как поношенные «форды». Господь Бог там, наверху, смеется над нами.

– Глупости. Мы ведь тоже смеемся над ним. Он включил нам красный свет, а мы взяли и проехали на него. И что случилось? Проклял нас навеки? Ничего подобного. Вышли мы из этого чистенькими и еще за так получили десять тысяч долларов. Так что нас Господь Бог еще раз удостоил своей благодати, тебе не кажется? А потом к нам в постель забрался дьявол, и верь мне, девочка, у него крепкий сон.

– Не говори так, Фрэнк.

– Мы получили десять кусков или нет?

– Я не хочу о них думать. Это чудно, но нашу вершину мы за них не купим.

– Вершину, вершину. Черт возьми, ведь она все еще с нами и еще десять тысяч долларов, которые можем положить сверху. Если хочешь витать в облаках, так оглядись с этой высоты.

– Ты ненормальный. Видел бы ты, как орешь тут сейчас, весь забинтованный.

– Ты кое о чем забыла. Есть повод отпраздновать. Мы еще так и не выпили.

– Я не собираюсь напиваться.

– Пить так пить. Где та бутылка, что была у меня перед отъездом?

Я зашел в свою комнату. Там стояла бутылка «бурбона», полная на три четверти. Спустившись вниз, я взял два стакана, лед, содовую и снова

поднялся к ней, наверх. Она уже сняла шляпку и распустила волосы. Я приготовил два коктейля. В них было немного содовой и по паре кусочков льда, остальное – «бурбон».

– Выпей. Тебе станет лучше. Именно это сказал мне Саккет, когда достал меня, крыса чертова.

– Господи, вот мерзавец.

– Да. А тебе не кажется, что на тебе слишком много тряпок?

Я подтолкнул ее к постели. стакан в ее руке дрогнул, и немного жидкости выплеснулось.

– Черт с ним. У нас этого добра полно.

Я начал стягивать с нее блузку.

– Сломай меня, Фрэнк. Сделай мне больно. Сломай, как в ту ночь.

Я срывал с нее одежду. Она плавно поворачивалась и медленно изгибалась, чтобы помочь мне. Потом легла навзничь на покрывало. Волосы спадали ей на плечи волнистыми прядями. Глаза стали совершенно черными, а груди не набухли и не торчали мне навстречу, а расплылись двумя большими розовыми кругами. Выглядела она как прародительница всех грешниц мира. Дьявол в ту ночь вернул свое, и с процентами.

Глава 13

Так все и продолжалось целых шесть месяцев. Время шло, но ничего не менялось. Мы все время ругались, и я прикладывался к бутылке. Ругались мы из-за нашего отъезда. Мы не могли покинуть штат, пока не кончится ее условный срок, но я считал, что сразу после этого нам надо смыться. Я не говорил ей, но хотел увезти ее подальше от Саккета. Боялся, что если она на меня разозлится, то сдуру может заложить меня, как тогда в суде. Я не верил ей ни на грош. Сначала она только и думала об отъезде, особенно когда я рассказывал о Гавайях и южных морях, но потом вдруг посыпались деньги. Когда мы через неделю траура наконец открылись, люди хлынули к нам, чтобы взглянуть на нее, а потом приезжали снова, потому что им у нас понравилось. Она была на седьмом небе, что есть шанс хорошо заработать:

– Фрэнк, все соседние заведения ничего не стоят. В них хозяйничают бывшие фермеры из Канзаса или бог весть еще откуда, которые понятия не имеют, как надо вести дело. Я убеждена, что, если найдется кто-то, понимающий в этом толк, как я, и создаст для гостей приятную атмосферу, они будут приходить сюда сами, да еще и приводить всех своих друзей.

– Черт бы их побрал. Мы ведь все равно хотим все продать.

– Если заведение станет доходным, то продадим его дороже.

– Тебе не хватает?

– Я имею в виду большие деньги. Послушай, Фрэнк. Мне пришло в голову, что людям бы понравилась возможность посидеть в тени, под деревьями. Подумай об этом. Здесь, в Калифорнии, такой прекрасный климат, а как мы этим пользуемся? Тащим людей в закусочные, заставленные серийной мебелью одной и той же фирмы, от которой уже тошнит, и кормим одной и той же едой от Фресно до самой границы, и хотим, чтобы они чувствовали себя как дома.

– Так мы собираемся все продать или нет? Чем меньше вещей у нас для продажи, тем скорее мы от них избавимся. Ясно, что клиентам понравится обедать под деревьями. Это поймет каждый баран. Но если мы усадим их под деревья, понадобятся столы, и туда придется подвести уйму светильников и еще тысячу всяких вещей, и кто знает, захочет ли этого новый владелец.

– Мы должны оставаться здесь шесть месяцев. Нравится нам это или нет.

- Так давай за эти шесть месяцев найдем покупателя.
- Я хочу попробовать по-своему.
- Ну, тогда пробуй. Но я тебе все сказал.
- Можно было бы вынести несколько столов из зала.
- Я же тебе говорю, попробуй. Пойдем выпьем.

Мы здорово сцепились из-за лицензии на пиво, и только тут до меня дошло, о чем шла речь. Она вынесла столы под деревья на маленький пятачок, который сама расчистила, натянула над ними полосатый навес, вечером там зажигались лампы и выглядело все очень красиво, это факт. Тут она была права. Клиентам, разумеется, нравилось посидеть полчаса под деревьями, послушать музыку по радио, прежде чем сесть в автомобиль и гнать дальше. И тут оказалось кстати пиво. Она хотела снаружи оставить все как есть, подавать там пиво и назвать все это загородной пивной.

– Я говорю тебе, что не хочу никакой загородной пивной. Хочу найти типа, который все это купит, все как есть, и заплатит наличными.

– Даже если себе в убыток?

– Мне – нет.

– Но посмотри, Фрэнк. Эта лицензия стоит всего двенадцать долларов за шесть месяцев. Боже мой, ну можем мы набрать двенадцать долларов или нет?

– Получим лицензию – и начнется новая возня. Мы уже и так занимаемся и бензином, и пончиками, а теперь еще и пивом. Черт бы все это побрал! Я хочу выбраться отсюда, пока все совсем не запуталось.

– Пиво есть где угодно.

– Это их проблема, меня это не касается.

– Люди сюда так и ломаются, площадка под деревом уже готова, а я им теперь должна говорить, что пива нет, потому что у нас нет лицензии.

– Почему ты должна им что-то объяснять?

– Если бы мы поставили стойку с краном, то могли бы качать пиво. Бочечное лучше бутылочного, и доход от него больше. Я как раз в Лос-Анджелесе видела красивые стаканы. Стекланные и высокие. Такие, из которых люди любят пить пиво.

– Ну так что, заведем насос и стаканы, да? Говорю тебе, я не хочу никакой загородной пивной.

– Фрэнк, ты вообще хочешь когда-нибудь стать человеком?

– Ну вот, чтобы было ясно. Я хочу убраться отсюда. Хочу куда угодно, где на меня отовсюду не будет зыркать дух твоего грека, где в моих снах не будет звучать его голос, где я не буду вздрагивать каждый раз, когда по

радио заиграет гитара. Я должен убраться отсюда. Должен, или я помешаюсь.

– Ты лжешь.

– Я не лгу. В жизни не говорил правды чище.

– Тебя не пугает дух несчастного грека, вовсе нет. Другого он, может быть, и пугал, но не мистера Фрэнка Чемберса. Куда там, ты хочешь смыться, потому что ты бродяга, вот и все. Был бродягой, когда пришел сюда, и бродягой остался. Если мы уедем отсюда и у нас кончатся деньги, что дальше?

– Какое мне дело? Главное, прочь отсюда.

– То-то и оно, что тебе нет дела. Но мы могли бы остаться и тогда...

– Я это чувствовал. Значит, вот что ты планируешь? Вот о чем мечтаешь все это время. Что мы останемся здесь.

– А почему бы и нет? Дела идут хорошо. Почему мы не можем здесь остаться? Послушай, Фрэнк. Сколько мы знакомы, ты все хочешь сделать из меня бродягу, но не выйдет. Я тебе говорила, я не цыганка. Я хочу стать человеком. Остаемся здесь. Никуда не поедем. Возьмем лицензию на пиво. Выбьемся в люди.

Была уже поздняя ночь, и мы были наверху, полураздетые. Она расхаживала взад-вперед, как тогда в суде, и говорила в той же странной рваной манере.

– Ясно, что остаемся. Все будет по-твоему, Кора. Успокойся, выпей.

– Не хочу напиваться.

– Нет, хочешь. Мы еще посмеемся над тем, как нам достались денежки.

– Мы уже насмеялись по горло.

– Но теперь мы заколотим большие деньги. В этой твоей загородной пивной. Мы должны за это выпить, за удачу.

– Ты сумасшедший. Ну ладно. За удачу.

Подобные стычки происходили по несколько раз за неделю. И каждый раз, когда я отходил с перепоя, мне снился тот же сон. Я все еще куда-то падал, и в ушах звучал все тот же хруст.

Едва истек ее условный срок, как пришла телеграмма, что больна ее мать. Она второпях собрала кое-какие вещи, и я отвез ее к поезду.

Когда я возвращался на стоянку, меня охватило такое странное настроение, будто я наполнен газом и свободно могу летать. Я чувствовал себя свободным. Целую неделю мне не придется ни с кем выяснять отношений, прогонять дурные сны или утешать некую женщину бутылкой спиртного.

На стоянке какая-то девушка пыталась завести двигатель. Все впустую. Она сделала все, что могла, но машина так и не ожила.

– Что случилось? Не едет?

– Оставила включенным зажигание, вот аккумулятор и сел.

– Так нужно его зарядить.

– Да, но мне нужно домой.

– Я вас отвезу.

– Вы очень добры.

– Я вообще добрейший человек на свете.

– Но вы не знаете, где я живу.

– Мне все равно.

– Это очень далеко. За городом.

– Чем дальше, тем лучше. Где бы это ни было, нам по пути.

– Вам невозможно ответить «нет».

– Если невозможно, то не отвечайте.

Она была блондинкой, может быть, чуть старше, чем я, и выглядела неплохо. Но взяла она меня своим дружеским обращением и тем, что вообще не опасалась, что я мог с ней что-нибудь сделать, как будто я был маленьким мальчиком или вообще неизвестно кем. Она разбиралась в моде, это было видно. И кроме того, мне стало ясно – она не знает, кто я. По дороге мы познакомились, и мое имя ей ничего не сказало. Господи, какое это было облегчение. Единственный человек на свете, который не хотел, чтобы я на минутку присел к столу и рассказал ему, как, собственно, было дело с тем греком, которого якобы убили. Я взглянул на нее, и ко мне вернулось то же ощущение, что и на вокзале, словно я наполнен газом и могу каждую минуту взлететь из-за руля.

– Значит, вы Мэдж Аллен, да?

– Ну, собственно, я Крамер, но теперь, когда муж умер, я пользуюсь своей девичьей фамилией.

– Так послушайте, Мэдж Аллен, или Крамер, или как вас еще называть, у меня к вам небольшое, но интересное предложение.

– Да?

– Что бы вы сказали, если бы мы сейчас развернулись, двинули на юг и отдохнули бы так с недельку?

– Нет, я не могу.

– Почему?

– Просто не могу, и все.

– Я тебе нравлюсь?

– Разумеется, нравишься.

– Ты мне тоже. Что же нам мешает?

Она начала что-то говорить, потом замолчала и рассмеялась:

– Я тебе признаюсь. Я бы с удовольствием. Не то чтобы мне что-то мешало, ничего такого. Просто я не могу. Из-за кошек.

– Кошек?

– У меня множество кошек. И я за ними ухаживаю. Поэтому мне нужно домой.

– А для чего существуют приюты для домашних животных? Позвоним, пусть они приедут.

Это ее рассмешило.

– Хотела бы я видеть их лица. Мои кошки немного другие.

– Кошки есть кошки, разве не так?

– Не совсем. Некоторые поменьше, некоторые побольше. Мои же совсем большие. Сомневаюсь, что в каком-нибудь приюте справились бы с нашим львом. Или с тигром. Или с пумой. Или с тремя ягуарами. Эти хуже всех. Ягуар – ужасный зверь.

– Господи, что же вы делаете с этими чудовищами?

– Ну, представляем их для киносъемок. Продаем молодняк. У людей есть частные зоопарки. Мы пускаем их бегать на воле. Привлекают заказчиков.

– Меня бы они не привлекли.

– Мы держим ресторан. Людям нравится на них смотреть.

– Ресторан? Я тоже. Эта страна кормится с продажи хот-догов друг другу.

– Ну да, но я не могу забывать о своих кошках. Их нужно кормить.

– Глупости, это можно устроить. Позвоним Гобелю, пусть за ними приедет. За сто долларов он позаботится о твоей стае, пока нас не будет.

– Ты считаешь, отдых со мной стоит ста долларов?

– По меньшей мере.

– Ах так. Тогда я не могу сказать «нет». Думаю, тебе нужно позвонить Гобелю.

* * *

Я высадил ее возле дома, нашел телефонную будку, позвонил в зверинец Гобеля, вернулся домой и все закрыл. Потом снова поехал к ней. Начало темнеть.

Гобель уже прислал грузовик, и я встретил его на обратном пути,

полным живых полос и пятен. Я остановился в сотне метров от ее дома, и через минуту она прибежала с чемоданчиком, я помог ей сесть, и мы тронулись.

– Тебе нравится?

– Все отлично.

Мы поехали вниз к Калиенте, а на следующий день двинулись в направлении на Энсенеду. Маленький мексиканский городок миль семьдесят вниз по побережью. Там мы нашли крохотный отельчик и остались в нем на три или четыре дня. Все было прекрасно.

Энсенادا вся очень мексиканская, и вам кажется, что вы покинули Штаты и находитесь бог весть как далеко оттуда. В нашей комнате был балкон, и каждый вечер мы валялись на нем, глядя на море и не замечая текущего времени.

– Кошки, говоришь... Ты их дрессируешь?

– Этих наших – нет. Они не годятся. Слишком дикие, особенно тигры. Но других – дрессирую.

– Ты их любишь?

– Слишком больших – нет. Но люблю пум. Хотела бы с ними выступать. Но тогда их понадобится много. Пумы из джунглей. Не те дикари, которых показывают в зоопарках.

– А чем отличается дикарь?

– Он бы тебя убил.

– Они все такие или нет?

– Ну да, дикарь убивает всегда. Будь он человеком, его считали бы сумасшедшим. Все от того, что он живет в неволе. Те звери, которых ты видел, выглядят нормально, но в действительности они безумны.

– Как ты отличаешь кошек из джунглей?

– Я ведь их ловлю в джунглях.

– Ты хочешь сказать, что ловишь их живьем?

– Разумеется. Мертвые мне ни к чему.

– Господи Боже! Как ты это делаешь?

– Ну как, сажусь на пароход и плыву в Никарагуа. Все самые лучшие пумы – из Никарагуа. Калифорнийские и мексиканские против них – заморыши. Потом нанимаю несколько индейцев и отправляюсь в горы. Потом ловлю пум. Потом привожу их сюда. На этот раз я, наверное, останусь там с ними на некоторое время, чтобы начать дрессировку. Мясо коз там гораздо дешевле, чем здесь.

– Ты так говоришь, словно уже собралась в путь.

– Так и есть.

Она отхлебнула немного вина и долго смотрела на меня. Повторила это несколько раз, не отводя от меня задумчивого взгляда:

– Так и есть, если поедешь со мной.

– Ты с ума сошла? Думаешь, я поеду с тобой ловить этих дьяволов?

– Фрэнк, я взяла с собой вполне достаточно денег. Пусть Гобель спокойно оставит себе этих заморенных кляч, если ему хочется их кормить, ты продай машину за любую цену, которую предложат, и поедem ловить кошек.

– Это идея.

– Хочешь сказать, ты едешь?

– Когда отправляемся?

– Завтра отсюда уходит грузовой пароход, который причалит в Бальбоа. Оттуда пошлем Гобелю телеграмму, твою машину можем оставить в отеле, когда ее продадут, деньги нам перешлют. Этим мне нравятся мексиканцы. Они медлительны, но честны.

– Согласен.

– Господи, я так рада.

– Я тоже. Мне все эти хот-доги, пиво и яблочные пироги с сыром так осточертели, что я их с удовольствием запустил бы в реку.

– Тебе там понравится, Фрэнк. Мы будем высоко в горах, где приятная прохлада, а потом, когда приготовим свой номер, можем объехать с ним весь мир. Поедем куда захотим, будем делать что захотим, и еще останется куча денег на всякие глупости. Нет ли в тебе хоть капли цыганской крови?

– Капли? Да я родился с золотыми серьгами в ушах.

В ту ночь я спал плохо. Когда начало светать, я открыл глаза – сна ни в одном глазу... И тут мне пришло в голову, что даже Никарагуа недостаточно далеко.

Глава 14

Когда она вышла из поезда, в черном платье, которое делало ее выше, черной шляпке, черных туфлях и черных чулках, ей явно было не по себе. Носильщик уложил чемодан в машину, мы тронулись и несколько миль не решались заговорить.

– Почему ты не написала, что она умерла?

– Не хотела тебя в это втягивать. К тому же на меня свалилось столько всяких дел...

– Я чувствую себя очень неудобно, Кора.

– Почему?

– Пока тебя не было, я поехал отдохнуть. Был во Фриско.

– Почему из-за этого тебе вдруг стало неудобно?

– Не знаю. Ты в Айове, твоя мать умирает, а я веселюсь во Фриско.

– Не знаю, почему тебе должно быть неудобно. Я рада, что ты куда-то съездил. Если бы мне это пришло в голову, я сама посоветовала бы тебе отдохнуть, пока меня нет.

– Но у нас тут все остановилось. Все было закрыто.

– Неважно. Мы все наверстаем.

– Я просто не находил себе места, пока тебя не было.

– Господи, да я тебя ни в чем не упрекаю.

– Думаю, тебе пришлось нелегко, а?

– Ничего приятного в этом не было. Но все уже кончено.

– Выпьем как следует, когда приедем домой. Я привез отличную выпивку на пробу.

– Не хочу ничего.

– Это поднимет тебе настроение.

– Я бросила пить.

– Ну, ну...

– Я тебе все расскажу. Это долгая история.

– Мне кажется, там должна была произойти уйма всякого...

– Нет, ничего не случилось. Только похороны. Но мне многое нужно тебе сказать. Думаю, теперь нас ожидают лучшие времена.

– Ну так ради Бога, не тяни. О чем речь?

– Не теперь. Ты был у своих?

– Что бы мне там делать?

– Ну ладно, у тебя все хорошо?

- Нормально. Насколько это может получиться у одинокого мужчины.
- Ручаюсь, что все было великолепно. Но я рада, что ты сказал это.

Приехав домой, мы увидели перед закусочной автомобиль, а в нем – какого-то типа. Когда он вылезал из машины, на его физиономии появилась гаденькая ухмылка. Это был Кеннеди – тот тип, из конторы Каца.

- Вы меня помните?
- Разумеется, я вас помню. Входите.

Мы впустили его в зал, а меня Кора затащила на кухню:

- Это плохо, Фрэнк.
- С чего ты взяла?
- Не знаю, но чувствую.
- Дай я с ним прежде поговорю.

Я вернулся к нему, она принесла нам пиво и оставила одних. Я перешел прямо к делу:

- Вы все еще у Каца?
- Нет, я от него ушел. Мы поругались, и я с ним завязал.
- Чем теперь занимаетесь?
- Вообще-то ничем. Потому я, собственно, к вам и пришел. Я уже был тут несколько раз, но никого не было дома. Но теперь я услышал, что вы вернулись, и решил подождать.

- Скажите, что я могу для вас сделать?
- Мне пришло в голову, нет ли у вас для меня кое-каких денег.
- Сколько захотите. Много у меня, само собой, нет, но если вас устроят долларов пятьдесят—шестьдесят, то я с удовольствием.
- Полагаю, вы дадите мне больше.

Он все еще гнусно скалился, а я решил, что уже пора оставить все эти околичности и узнать, зачем он пришел.

- Ну так что, Кеннеди. Чего вы хотите?
- Что ж, скажу все как есть. Когда я уходил от Каца, те бумаги, где я записал признание миссис Пападакис, все еще лежали в картотеке; ясно? А поскольку я ваш друг и все такое, мне было понятно, что вам бы не понравилось, когда такие вещи валяются где попало. Так что я их забрал. Мне показалось, вы хотели бы получить их.

- Вы имеете в виду ту ерунду, которую она выдала за признание?
- Вот именно. Я, разумеется, знаю, что в них ничего нет, но подумал, вдруг вы захотите иметь их под рукой.
- Сколько вы хотите?
- Ну а сколько вы дадите?
- Да я не знаю. Сами же говорите, в них ничего нет, но сотню я бы мог

дать. Точно. Это я потяну.

– Я думал, это стоит гораздо больше.

– Ну да?

– Я рассчитывал на двадцать пять кусков.

– Вы не сумасшедший?

– Нет, я не сумасшедший. От Каца вы получили десять тысяч. Заведение тоже кое-что принесло, думаю тысяч пять. За дом и участок вы можете получить в банке десять тысяч. Значит, вместе получится двадцать пять.

– Вы хотите раздеть меня догола из-за этой бумажки?

– Она того стоит.

Я даже не вздрогнул, но, видно, в глазах что-то блеснуло, раз он вырвал из кармана пистолет и направил на меня:

– Не вздумайте, Чемберс. Во-первых, у меня нет их с собой. Во-вторых, если вы что-то затеваете, вам же хуже будет.

– Я ничего не затеваю.

– Я вам и не советую.

Он все еще держал меня на мушке, а я не спускал с него глаз.

– Думаю, вы меня зажали в угол.

– Я не думаю. Я это знаю.

– Но слишком высоко берете.

– Говорите, говорите, Чемберс.

– От Каца мы получили десять тысяч, это факт. И они пока у нас. Заведение нам действительно дало пять тысяч, но одну из них мы истратили. Она ездила на похороны матери, а я – отдохнуть. Потому здесь и было закрыто.

– Говорите, говорите.

– А за дом и участок мы не получим десять тысяч. Сегодня никто не даст и пяти. Максимум четыре.

– Продолжайте.

– Значит, десять, четыре и четыре. Это будет восемнадцать.

Он встал:

– Ну ладно. Восемнадцать. Завтра я позвоню, готовы ли деньги. Если да, скажу вам, что нужно делать. Если нет, бумаги получит Саккет.

– Это глупо, но вы достали меня.

– Значит, завтра в двенадцать. У вас будет достаточно времени, чтобы съездить в банк и вернуться.

– Ладно.

Он отступил к дверям, не сводя с меня пистолета. Был уже поздний

вечер, смеркалось. Пока он отступал, я оперся о стену, как будто совсем расстроившись. Когда он уже наполовину был на улице, я включил свет, и эта резкая вспышка его осветила. Он споткнулся, а я прыгнул на него. Мы рухнули на землю, я – сверху. Выкрутив ему руку с пистолетом, я бросил его в комнату и заломил другую, потом втянул его внутрь и пинком захлопнул дверь. Она стояла там. Стояла все это время за дверью и слушала.

– Забери пистолет.

Она забрала, но осталась стоять. Я поднял его, швырнул на один из столов, перевернул на спину и избил до полусмерти. Когда он потерял сознание, я вылил ему на лицо стакан воды. Едва он пришел в себя, как я взялся за него опять. Наконец, когда его морда стала похожа на бифштекс и он захныкал, как ребенок, у которого забрали игрушку, я остановился:

– Давайте соберитесь, Кеннеди. Звоните своим компаньонам.

– У меня нет никаких компаньонов, Чемберс. Клянусь, что я единственный, кто...

Я опять взялся за него, и мы повторили все сначала. Он все еще твердил, что у него нет сообщников, тогда я захватил его руку на рычаг и нажал:

– Как хотите, Кеннеди. Если сообщников у вас нет, то я вам ее сломаю.

Он выдержал это дольше, чем я рассчитывал. Выдержал, хотя я жал сколько мог и уже говорил себе, смогу ли я вообще ее сломать. Моя левая все еще была слаба после перелома. Если вы когда-нибудь пробовали переломить ногу старого петуха, то поймете, как тяжело сломать кому-то руку. Но наконец он сказал, что позвонит. Я отпустил его и объяснил, что нужно сказать. Потом посадил к телефону в кухне и перенес туда же аппарат из зала, чтобы видеть его и слышать, что ему ответят. Она была с нами, с пистолетом в руке.

– Когда я дам знак, стреляй в него.

Она оперлась поудобнее, и в уголке ее губ заиграла жестокая усмешка. Думаю, что ее улыбка испугала Кеннеди больше, чем все, что с ним сделал я.

– Я не промахнусь.

Он позвонил, отозвался какой-то тип:

– Это ты, Вилли?

– Пэт?

– Я. Послушай. Мы обо всем договорились. Как скоро ты со всем этим сможешь быть здесь?

– Завтра, как и договорились.

– А сегодня уже не успеешь?
– Как я возьму это из сейфа, если банк уже закрыт?
– Ладно, тогда сделай, как я говорю. Рано утром заberi все и приезжай сюда. Я у нее в заведении.

– У нее в заведении?
– Эй, шевели мозгами, Вилли. Он знает, что в наших руках; ясно? Но боится, что если эта женщина узнает, сколько придется выложить, то все ему сорвет; понимаешь? Если я с ним поеду в город, то до нее дойдет, что здесь что-то нечисто, и она может увязаться за нами. Значит, мы все провернем здесь. Я просто постоялец, который заночевал в их кэмпинге, и она ни о чем не догадается. Завтра приедешь как мой приятель, и мы провернем это дельце в два счета.

– Как он соберет деньги, если никуда не поедет?
– Не бойся, все улажено.
– А какого черта ты там будешь торчать всю ночь?
– На то есть причина, Вилли. Знаешь, может, он на нее только ссылается, а может, и нет. Но пока я здесь, ни один из них не сбежит; ясно?

– Он не может тебя услышать?
Он взглянул на меня, и я кивнул.
– Стоит возле меня в телефонной кабинке. Я хочу, чтобы он все слышал; понимаешь, Вилли? Хочу, чтобы знал, что мы не шутим.

– Мне все это не нравится, Пэт.
– Послушай, Вилли. Ни ты, ни я, никто не знает, честно он играет или нет. Но возможно, и так, и я даю ему шанс. Черт возьми, пока парень готов платить, нужно с ним по-хорошему, тебе не кажется? И вообще, делай, что я тебе говорю. Утром, как только сможешь, привезешь все сюда. Как только сможешь, ясно? Не хочу, чтобы она начала гадать, почему я торчу здесь целый день.

– Ну ладно.
Он повесил трубку. Я подошел и врезал ему еще:
– Это чтобы ты знал, что говорить, если он позвонит снова. Ясно, Кеннеди?

– Ясно.
Мы подождали пару минут, и телефон зазвонил. Я поднял трубку, передал ее Кеннеди, и он повторил Вилли то же самое, только чуть иначе. Он сказал, что на этот раз один. Вилли в это не слишком поверил, но проглотил. Потом я отвел его в домик. Она пошла с нами, но пистолет отдала мне. Закрыв Кеннеди, я быстро вытолкнул ее за дверь и поцеловал:

– Надо же, как ты заводишься, когда идет игра по-крупному. А теперь

слушай как следует. Я не отлучусь от него ни на минуту. Буду с ним всю ночь. Ему еще будут звонить, и мы дадим ему поговорить. Думаю, тебе надо открыть заведение. Но только пивную. Внутри никого не пускай. Если его приятели приедут на разведку – ты работаешь, и в заведении все в порядке.

– Ладно. И, Фрэнк...

– Да?

– Обещай мне, что ты в следующий раз дашь мне по морде, если я захочу быть умнее тебя.

– О чем ты?

– Нам нужно было отсюда убраться. Теперь я поняла.

– Черта лысого нам было нужно. Пока мы не получим всего, останемся здесь.

Она меня поцеловала:

– Мне кажется, я тебя люблю, Фрэнк.

– Мы выбьем это из них. Не бойся.

– Я не боюсь.

* * *

Я оставался с ним всю ночь. Не давал ему есть и не позволял спать. Раза два, а может, три или четыре, он говорил с Вилли, а один раз Вилли захотел поговорить со мной. Ну, в общем, можно сказать, что у нас получилось. В промежутках я продолжал его избивать. Это мерзко, но мне требовалось, чтобы ему крайне нужно было доставить те бумаги сюда. Когда он вытирал полотенцем кровь с лица, было слышно радио, включенное в пивной под деревьями, и голоса людей, которые смеялись и веселились.

* * *

Около десяти часов утра на следующее утро она пришла:

– Думаю, они здесь. Их трое.

– Приведи сюда.

Она взяла пистолет, засунула его за пояс, так что спереди его не было видно, и ушла. Через минуту я услышал, как кто-то грохнулся. Это был один из его дружков. Она гнала их перед собой, и им приходилось пятиться

задом, с поднятыми руками, и один из них рухнул, зацепившись ногой за бетонную дорожку. Я открыл двери.

– Сюда, джентльмены.

Они вошли, все еще с поднятыми руками, она вошла за ними и подала мне пистолет:

– Все были при оружии, но я отобрала у них пушки. Они остались в зале.

– Лучше сходи за ними. Могут появиться еще такие же гости.

Она ушла, но быстро вернулась, уже с пистолетами. Вынув обоймы, она положила их на постель около меня. Потом вывернула карманы наших визитеров. Через минуту бумаги были у нас. К тому же в еще одном конверте мы обнаружили шесть фотокопий и негатив к ним. Они собирались шантажировать нас и дальше, им и в голову не пришло ничего лучшего, как, собираясь к нам, взять с собой фотокопии. Я взял все, вместе с оригиналом, вышел на улицу, скомкал и поднес спичку. Когда все сгорело, я втоптал пепел в землю.

– Ладно, ребята. Я вас провожу. Пушки останутся здесь.

* * *

Когда я проводил их до автомобилей и вернулся, ее в домике не было. Я обошел здание сзади, но ее не было и там. Я поднялся наверх. Она была в своей комнате.

– Ну что, мы справились? Всему конец, тем проклятым бумагам, фотокопиям, всему. Просто гора с плеч.

Она молчала и смотрела как-то странно.

– Что с тобой, Кора?

– Значит, всему конец? Фотокопиям и вообще. Но не для меня. У меня миллионы копий, не хуже, чем были эти. Что скажешь? У меня их миллионы. Со мной еще не покончено.

Она рассмеялась и бросилась на кровать.

– Ну, если ты такая дура, что сама суешь голову в петлю, лишь бы отомстить мне, то у тебя есть действительно миллионы возможностей. Это точно.

– Вовсе нет, и в этом вся прелесть. Чтобы я совала голову в петлю? Разве Кац тебе не сказал? Если они один раз признали неумышленное убийство, то второй раз судить меня не могут. Так написано в законе. Нет, нет, мистер Фрэнк Чемберс. Я ничем не рискую, а вы будете болтаться на

виселице, будете болтаться, болтаться, болтаться!

– Послушай, что с тобой происходит?

– А ты не знаешь? Вчера вечером тут была твоя приятельница. Не знала обо мне и осталась ночевать.

– Какая приятельница?

– Та, с которой вы были в Мексике. Она мне все рассказала. Мы теперь добрые подруги. Ода думала, будет лучше, если мы подружиться. А когда узнала, кто я, то испугалась, что я ее убью.

– В Мексике я не был уже год.

– Ну нет, был.

Она вышла, и я слышал, как она идет в мою комнату. Когда она вернулась, в руках у нее был кот, но необычно большой. Серый и пятнистый. Она положила его передо мной на стол, и кот начал мяукать.

– Когда вас не было, у пумы родились детеныши, и она привезла тебе одного на память.

Она оперлась о стойку и снова рассмеялась тем странным, безумным смехом:

– Кошка вернулась! Прыгнула на щиток с пробками и погибла, но теперь вот она снова! Ха-ха-ха-ха! Тебе не смешно?! Как тебе не везет с кошками!

Глава 15

Потом она расплакалась, а когда успокоилась, ушла вниз. За ней спустился и я. Она открывала крышку от большой коробки:

– Делаю гнездышко для нашей малышки, дорогой.

– Очень мило с твоей стороны.

– А ты думал, что я делаю?

– Ничего.

– Не бойся. Когда придет время позвонить Саккету, я дам тебе знать. Так что раньше времени не расстраивайся. Тебе еще понадобятся силы.

Она выстлала коробку ватой, а сверху бросила какие-то тряпки, отнесла коробку наверх и уложила в нее маленькую пуму.

Та немного помяукала, потом уснула. Я снова спустился, чтобы налить себе колы. Едва я успел плеснуть в бокал, как она уже стояла в дверях.

– Я хочу подкрепить свои силы, дорогая.

– Очень мило с твоей стороны.

– А ты думала, что я делаю?

– Ничего.

– Не бойся. Когда я захочу смыться, дам тебе знать. Так что раньше времени не расстраивайся. Возможно, тебе еще понадобятся силы.

Она как-то странно взглянула на меня и вернулась наверх.

Так это и тянулось целый день. Я следил за ней, боясь, что она позвонит Саккету, она – за мной, боясь, что я сбегу. Заведение мы вообще не открывали. В промежутках между походами по дому мы сидели наверху в гостиной. Сидели, не глядя друг на друга. Смотрели только на маленькую пуму. Она мяукала, и Кора спустилась за молоком. Я ходил с ней. Потом пума напилась молока и уснула. Она еще даже не играла, была слишком мала. Все время только мяукала или спала.

* * *

В ту ночь мы молча лежали рядом. Видимо, я уснул, потому что видел все тот же сон. А потом я вдруг проснулся и весь в поту помчался по лестнице. Меня разбудил звук набираемого телефонного номера. Она стояла у стойки в закускойной, полностью одетая, со шляпкой на голове, на полу, у ее ног, я заметил завязанную шляпную коробку. Я вырвал трубку у

нее из руки, бросил на рычаг. Схватил Кору за плечи и толкнул к лестнице:

– Иди наверх! Иди наверх, или я тебя...

– Или ты меня?..

Зазвонил телефон, и я взял трубку:

– Слушаю.

– Такси вызывали?

– Ага. Ну да. Я вызывал такси, но я передумал. Вы мне не нужны.

– Ладно.

Когда я пришел наверх, она раздевалась. Мы снова легли в постель и снова долго лежали, не говоря ни слова.

Потом она начала:

– Ну, так что «или»?

– Что я могу тебе сделать? Дать тебе разок по физиономии, может быть. Может, еще что-то.

– Значит, еще что-то, да?

– На что ты намекаешь?

– Фрэнк, я знаю, что ты делал. Лежал здесь и думал, как меня убить.

– Я спал.

– Не лги мне, Фрэнк. Потому что я не хочу тебе лгать и должна кое-что сказать.

Я надолго задумался. Именно так все и было. Я лежал возле нее и ломал голову, как ее убить.

– Ну ладно. Я об этом думал.

– Я это знала.

– А ты лучше? Ты же хочешь продать меня Саккету? Это не то же самое?

– То же.

– Так что мы квиты. Мы снова квиты. Мы там, откуда начали.

– Не совсем.

– Ну нет, именно там.

Потом я немного сдал и положил голову ей на плечо:

– Все там же. Мы можем лгать друг другу что угодно, смеяться над этими деньгами и хвастать, как это чертовски здорово, но это ничего не меняет. Я хотел уехать с той женщиной, Кора. Мы собирались в Никарагуа ловить хищников. И если я не поехал, то только потому, что знал, что мне нужно вернуться. Мы связаны друг с другом, Кора. Мы думали, что достигли вершины горы, Кора. Но все не так. Эта гора лежит на нас, лежит на нас с той самой ночи.

– И ты вернулся только из-за этого?

– Нет. Есть только ты и я. Никого больше не существует. Я люблю тебя, Кора. Но когда в любовь приходит страх, любви конец. Она превращается в ненависть.

– Значит, ты меня ненавидишь?

– Я не знаю. Сейчас я говорю правду, первый раз в жизни. И ты должна это знать. И если я лежал здесь и думал, то именно потому. Теперь ты все знаешь.

– Я говорила, что мне нужно тебе кое-что сказать, Фрэнк.

– Так говори.

– У меня будет ребенок.

– Что?

– Я подозревала это еще до отъезда, а после того, как похоронила мать, у меня уже нет сомнений.

– Ну, не может быть. Не может быть. Иди ко мне. Дай я тебя поцелую.

– Нет. Прошу тебя. Я должна тебе сказать.

– Разве ты еще не все сказала?

– Не то, что хотела. Послушай меня внимательно, Фрэнк. Я думала об этом все время, что была там, и ждала, пока все кончится. Что все это для нас будет значить. Потому что мы с тобой погубили одну жизнь. А теперь вернем миру другую.

– Это точно.

– У меня в голове все перемешалось. Но теперь, когда я знаю об этой женщине, я начинаю кое-что понимать. Я не могла бы позвонить Саккету, Фрэнк. Не могла бы позвонить ему, потому что тогда мой ребенок мог бы однажды обнаружить, что я отправила его отца на виселицу.

– Ты уже собиралась к Саккету.

– Нет. Я просто хотела уехать.

Я спросил:

– И только поэтому ты не пошла к Саккету?

Она долго молчала, прежде чем ответила:

– Нет. Я люблю тебя, Фрэнк. Думаю, ты знаешь. Но возможно, если бы не это, я бы пошла к нему. Именно потому, что я тебя люблю.

– Она ничего для меня не значила, Кора. Я не говорил тебе, почему я так поступил. Хотел сбежать отсюда.

– Я это знала. Я все время это знала. Я знала, почему ты хотел увезти меня отсюда, и когда я называла тебя бродягой, я сама в это не верила. Нет, верила, но не это было причиной, почему ты рвался отсюда. Я люблю тебя за то, что ты такой бродяга. А ее я ненавидела за то, что она предала тебя только потому, что ты не рассказал ей кое-что, до чего ей не было никакого

дела. А потом я хотела уничтожить тебя за это.

– А что теперь?

– Я пытаюсь тебе объяснить, Фрэнк. Именно это я пытаюсь объяснить. Я хотела уничтожить тебя, и все равно не смогла пойти к Саккету. Не потому, что ты за мной следил, – я бы как-нибудь смогла сбежать из дома и попасть к нему, – а потому, что я тебе сказала. Так что я избавилась от дьявола, Фрэнк. Знаю, что никогда не позвоню Саккету, потому что у меня были и возможность, и повод, и все равно я этого не сделала. Так что мой дьявол оставил меня. Но оставил ли он тебя?

– Если ты изжила его, что общего может быть с ним у меня?

– Ты не можешь быть уверен. Мы не можем быть уверены, пока и ты не получишь свой шанс. Такой же шанс, какой был у меня.

– Говорю тебе, все позади.

– Когда ты раздумывал, как меня убить, Фрэнк, о том же думала и я. О том, как бы ты мог меня убить. Проще всего – на море. Мы поплывем далеко, как в тот раз, и если ты не захочешь, чтобы я вернулась, ты легко можешь мне помешать. Никто никогда ничего не узнает. Просто еще один из тех случаев, которые то и дело происходят на пляжах. Поедем завтра утром.

– Завтра утром мы поженимся.

– Можем пожениться, если хочешь, но прежде чем вернуться домой, поедем поплаваем.

– Черт бы побрал плавание. Лучше поцелуй меня, наконец.

– Поцелуй будет завтра вечером, если вернемся. Прекрасные поцелуи, Фрэнк. Никаких пляжных засосов. Поцелуи, полные снов и мечты. Поцелуи с ароматом жизни, а не смерти.

– Идет.

* * *

Мы поженились в мэрии и потом поехали на пляж. Она выглядела так прекрасно, что я бы предпочел поваляться с ней на песке, но по лицу ее все еще гуляла легкая усмешка, и через минуту она поднялась и пошла к полосе прибоя.

– Я пошла купаться.

Я поплыл за ней. Она двигалась как заведенная и заплыла намного дальше от берега, чем тогда. Потом она сбавила темп, и я ее догнал. Мы плыли рядом, держались за руки и смотрели друг на друга. В эту минуту

она должна была знать, что дьявол исчез и что я люблю ее.

– Я уже говорила тебе, почему я люблю подставлять ноги волнам?

– Нет.

– Потому что меня это возбуждает.

Нас подняла большая волна, и она положила руку на грудь, чтобы показать, как ее это возбуждает.

– Они уже большие, Фрэнк?

– Я скажу это сегодня вечером.

– Мне кажется, большие. Об этом я тебе еще не говорила. Знаешь, что значит чувствовать не только то, что должна дать начало новой жизни, но и то, что происходит внутри тебя, с тобой. Мне кажется, что моя грудь становится ужасно большой, и я хочу, чтобы ты целовал ее. Скоро у меня будет огромный живот, и я буду этим страшно горда и захочу, чтобы все его видели. Это жизнь. Я чувствую ее в себе. Это новая жизнь для нас обоих, Фрэнк.

Мы повернули назад, и я нырнул, погрузившись метра на три.

Глубину я почувствовал по давлению на уши. Три метра – глубина большинства бассейнов, и здесь я почувствовал то же самое. Потом оттолкнулся обеими ногами и погрузился еще глубже. Мне так заломило уши, что я подумал, они сейчас лопнут. Но выныривать не стал. Давление на легкие выдавливает кислород вам в кровь, так что на несколько секунд можно не заботиться о дыхании. Я смотрел сквозь зеленую воду. У меня так звенело в ушах, и на бедра и грудь так давила толща воды, что мне показалось, будто все мои ложь, и подлость, и бездарность, и ничтожество вдруг вышли из меня и смыты водой, и я, очистившись, готов зажить с ней заново, вступить в новую жизнь.

* * *

Когда я вынырнул, она кашляла.

– Это ничего. Это просто приступ тошноты, это бывает.

– Ты в порядке?

– Думаю, да. Это пройдет.

– Наглоталась?

– Нет.

Мы проплыли еще немного, и вдруг она беспорядочно забила руками по воде:

– Фрэнк, мне что-то нехорошо.

– Быстро хватайся за меня.

– Ах, Фрэнк. Я очень устала, потому что все время пыталась держать голову над водой, чтобы не наглотаться соленой воды.

– Только спокойнее.

– Это было бы ужасно. Я слышала о женщинах, у которых был выкидыш от рвоты.

– Только спокойнее. Ложись на воду. Не трать силы. Я буду тебя тянуть.

– Не лучше ли позвать спасателя?

– Господи, только не это. Он еще начнет откачивать тебя, сгибая ноги. Лежи спокойно на воде. Я дотяну тебя до берега быстрее всякого спасателя.

Она лежала на воде, а я тащил ее за бретельку купальника.

Силы мои начали иссякать. Я тащил ее целую милю, но все еще думал о том, что ее нужно доставить в больницу, и спешил изо всех сил.

Если вы начнете торопиться в воде, вам конец. Но я все же доплыл. Достав ногами дно, я взял ее на руки и с прибором выбежал на берег.

– Не шевелись. Положись на меня.

– Хорошо.

Я добежал до нашей одежды, усадил ее, достал ключи от машины, завернул ее в оба свитера и отнес к машине. Та стояла наверху у дороги, и мне пришлось карабкаться по крутой насыпи над пляжем. Ноги у меня сводило так, что я едва двигался, но я ее не уронил. Усадив ее в машину, я завел двигатель и погнал.

* * *

Мы купались в нескольких милях от Санта-Моники, где находилась больница. Я догнал большой грузовик. Сзади на нем красовалась надпись: «Нажмите на клаксон, и дорога ваша». Я нажал на клаксон как сумасшедший, но он продолжал ехать посередине. Слева я его обогнать не мог, потому что навстречу шла целая колонна машин. Тогда я рванул вправо и нажал на газ. Она закричала. Я не заметил парапета на мосту через канал. Раздался удар, и все погрузилось во тьму.

* * *

Когда я пришел в себя, зажатый рулем, спиной вперед, то в ужасе

застонал от звука, похожего на стук дождя по жестяной крыше. Это ее кровь капала на капот, куда она вылетела через ветровое стекло. Вокруг гудели машины, из которых выскакивали люди и бежали к нам.

Я поднял ее и попытался остановить кровь, и разговаривал с ней, и плакал, и целовал ее, Поцелуев она уже не чувствовала. Была мертва.

Глава 16

Мне пришел конец. Кац на этот раз взял все, и те десять тысяч долларов, которые отсудил для нас, и деньги, которые мы заработали, и оформил договор о переводе заведения на его имя. Он делал для меня все, что мог, но процесс был проигран с самого начала.

Саккет заявил, что я – бешеный пес, которого нужно уничтожить во имя жизни. Он все давно понял. Мы, мол, убили грека, чтобы заполучить его деньги, а я женился на ней и прикончил, чтобы забрать все себе. Когда она узнала о моей поездке в Мексику, это только ускорило дело, не больше.

Заклучение вскрытия, что она ждала ребенка, он считал еще одним доводом.

Он вызвал Мэдж на скамью свидетелей, чтобы она рассказала о поездке в Мексику. Ей не хотелось, но пришлось. Он продемонстрировал суду даже пуму, которая выросла, но, поскольку никто за ней не ухаживал, была грязная и больная и все время пыталась его укусить. Зрелище было жутковатое, и симпатий публики мне не прибавило, можете поверить.

Но что меня добило, окончательно, так это письмо, которое она написала перед тем, как вызвать то такси, и сунула в кассовую книгу, Чтобы я нашел его утром. Она о нем забыла. Я его не видел, потому что заведение мы уже не открывали и я в кассовую книгу не заглядывал.

Это было самое влюбленное письмо на свете, но в нем речь шла и о том, как мы убили грека. На этом для меня все было кончено.

Суд шел три дня, и Кац сражался со всеми законами округа Лос-Анджелес, но судья рассказал им о том письме, и сразу всплыло, что мы убили грека. Саккет заявил, что это и было мотивом. Это и еще то, что я бешеный пес. Кац даже не стал вызывать меня для дачи показаний. Что я мог бы сказать? Что я этого не делал, что у нас все наладилось, пропали проблемы, возникшие после убийства грека? Они бы лопнули от смеха.

Присяжным хватило пяти минут. Судья сказал, что я заслуживаю не больше жалости, чем любой другой бешеный пес.

Теперь я сижу в камере смертников и дописываю последние строки моей истории, чтобы на них мог взглянуть отец Макконел и подсказать мне, где и что нужно подправить: правописание и все такое. Если я получу отсрочку, он сохранит мои записи у себя и подождет, что будет дальше. Если меня помилуют, он все сожжет, а из того, что я им рассказал, никто никогда не узнает, было это убийство или нет. Но если меня повесят, отец

Макконел заберет бумаги и посмотрит, не найдется ли желающих их издать.

Не будет никакой отсрочки, никакого помилования, я знаю. Я никогда себя не обманывал. Думайте что хотите, мне все равно, но надежда-то остается. Я ни в чем не сознался – это во-первых. От кого-то я слышал, что, пока не признаетесь, вас не повесят. Не знаю. Если не подведет отец Макконел, то от меня никто ничего не узнает. Вдруг я получу помилование.

* * *

Я начинаю нервничать и думаю о Коре. Как вы считаете, она знает, что я этого не хотел? После того, что мы сказали друг другу в воде, она должна была это знать. Как все страшно, если однажды вы свяжетесь с убийством. Может быть, в последний миг у нее мелькнула мысль, что я все-таки это сделал. И поэтому я надеюсь, что после этой жизни у меня все же будет другая. Отец Макконел говорит, что будет и я ее увижу. Я хочу, чтобы она знала – все было так, как мы договорились, я этого не делал. Что в ней, собственно, было такого, что я не могу без нее? Не знаю. Она хотела и добивалась. Стремилась к цели... стремилась, используя все возможные средства. Не знаю, почему она испытывала ко мне такое чувство, если видела меня насквозь. Много раз она говорила мне, что я ни на что не годен. Я, собственно, никогда ничего не хотел, только ее. Но это очень много. Думаю, что многие женщины не стоят и того.

* * *

В седьмой камере сидит парень, который убил своего брата, а теперь утверждает, что на самом деле это сделал не он, а его подсознание. Я спросил его, что он имеет в виду, и он сказал, у человека два "я", одно, о котором он знает, и другое, о котором не знает, подсознательное. Это меня потрясло. Неужели я это сделал и не знал об этом? Боже всемогущий, не могу поверить. Я этого не делал! Я так любил ее в эту минуту, что, поверьте мне, умер бы за нее сам! К черту подсознание! Я не верю. Это все придумал тот парень, чтобы одурачить судей. Человек знает, что он делает, и отвечает за это. Я не виноват, я этого не делал, я знаю. Я скажу ей это, если мы когда-нибудь встретимся.

Я страшно напряжен. Думаю, здесь что-то добавляют в пищу, чтобы человек об этом не думал. Пытаюсь не думать. Как будто я с Корой там, далеко, над нами небо и вокруг одна вода, а мы говорим о том, что теперь будем счастливы и что счастье будет длиться вечно. Мне кажется, будто я переплыл огромную реку, раз я там, с ней. Порой она кажется реальной, та, другая жизнь, совсем иная, чем представляет отец Макконел. Когда я буду с Корой, я поверю в нее. Когда я начинаю думать об этом, мне все видится в радужном цвете.

* * *

Помилование отклонено.

* * *

За мной уже идут. Отец Макконел говорит, что молитвы помогают. Если вы дочитали до конца, то помолитесь за меня и Кору и за то, чтобы мы встретились.

Где-то, когда-то...